

INSPIRIA

МИ НЕРЕАЛЬНЫЕ ПАРНИ

«История о том,
где мы находим
любовь и как за нее
держимся».

VOGUE

ДОЛЛИ ОЛДЕРТОН

INSPIRIA

Долли Олдертон

Мои нереальные парни

Серия «Novel. Терапия любви»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68923950
Мои нереальные парни: Эксмо; Москва; 2023
ISBN 978-5-04-184243-7

Аннотация

Как найти любовь, когда все вокруг ее уже нашли? Терапия любви – это когда любовь приходит в твою жизнь не для того, чтобы остаться в ней, а чтобы ее изменить.

«Это книга глубоко личная и вместе с тем способная тронуть сердце каждого, ведь проблемы, с которыми сталкиваются герои, так или иначе знакомы многим тридцатилетним. Поиск второй половинки, дружба, карьера, планы на жизнь, разбитые иллюзии... Автор обращается к такой тонкой материи, как человеческие отношения, но делает это без надрыва, а с легкой иронией. В результате ко многим сценам и диалогам хочется вернуться и перечитать не один раз». – Елена Петухова, переводчик

Я заполнила раздел «Обо мне»:

Нина Дин, 32 года, кулинарный писатель

Местонахождение: Арчвэй, Лондон

Ищу: любовь и идеальную булочку с изюмом

Так, тридцать второй день рождения, самый заурядный из всех возможных, чудесным образом положил начало самому странному году моей жизни.

«История о том, где мы находим любовь и как за нее держимся». – Vogue

«Абсолютный нокаут». – Тейлор Дженкинс Рейд

«Так трогательно, так забавно, так красиво и так пронзительно». – Стэнли Туччи

«Роман, полный правды о жизни, дружбе и любви». – Хейг
Мэтт Хейг

Содержание

Пролог	7
Часть первая	23
1	23
2	37
3	61
4	89
5	109
Конец ознакомительного фрагмента.	111

Долли Олдертон

Мои нереальные парни

М И
Н Е Р Е А Л Ь Н Ы Е
П А Р Н И

Д О Л Л И
О Л Д Е Р Т О Н

INSPIRIA

Москва

Пролог

В день моего появления на свет, 3 августа 1986 года, первую строчку в хит-параде синглов занимала «The Edge of Heaven» группы «Wham!»¹. С тех пор ее включали на полную громкость каждый мой день рождения, едва я просыпалась. Вспоминаю, как прыгала в пижаме по родительской кровати и ела на завтрак сэндвичи с разноцветной посыпкой под дерзкое «Да, да, да» Джорджа Майкла на вступительных тактах. Вот почему меня нарекли мужским именем Джордж – Нина Джордж Дин. Я страдала из-за этого на протяжении всей юности: плоская грудь вкупе с квадратным подбородком и без того придавали мне мальчишеский вид. Однако взрослая жизнь, как водится, обратила все отклонения и детские конфузы в уникальный опыт. Странное второе имя и праздничный бутерброд, щедро намазанный маргарином и покрытый разноцветной кондитерской посыпкой, породили мою персональную мифологию, о которой однажды со смущением и гордостью я поведаю заинтригованным слушателям.

Удручающая странность + время = пикантная эксцен-

---

¹ Британский дуэт, образованный в 1981 году Джорджем Майклом и Эндрю Риджли. Одна из самых коммерчески успешных английских поп-групп 1980-х гг. После распада дуэта в 1986 году Джордж Майкл продолжил сольную карьеру. (Здесь и далее – прим. перев.)

тричность.

В свой тридцать второй день рождения, 3 августа 2018 года, я почистила зубы и умылась под аккомпанемент «The Edge of Heaven», льющейся из динамиков в гостиной. Предоставленная самой себе, я посвятила день любимым занятиям и еде. На завтрак – тост с яйцом пашот. Я авторитетно заявляю, что к тридцати двум годам достигла совершенства в трех вещах. Первое – приходиться в любое место вовремя, с запасом в пять минут. Второе – задавать собеседнику вопросы, требующие развернутого ответа, в тех ситуациях, когда у меня нет желания вступать в диалог («Как по-вашему, вы интроверт или экстраверт?», «Вы чаще прислушиваетесь к голосу разума или сердца?», «Вам случалось что-нибудь поджигать?»). И третье – я безупречно готовлю яйца пашот.

Я залезла в телефон и обнаружила селфи своих улыбающихся родителей и поздравление с днем рождения. Моя лучшая подруга Кэтрин прислала по «ватсапу» видео, на котором ее дочурка Оливия лепечет «С днем лоздения, тетя Нино» (у нее до сих пор не получается выговорить правильно, несмотря на все мои усилия). Еще одна подруга, Мира, отправила гифку (роскошный длинношерстный кот держит в лапе мартины) и сообщение: «Жду не дождусь вечера, именинница!!!», хотя к одиннадцати она наверняка уже будет в постели. Вот что происходит, когда молодые родители слишком рьяно готовятся к вечеринке: они изнуряют се-

бя ожиданием, попадают в капкан собственного бахвальства, тушуются на публике и в конце концов уходят домой после двух пинт.

Я прогулялась до Хэмпстед-Хит и искупалась в Дамском пруду. На третьем круге начал накрапывать мелкий летний дождик. Я люблю плавать под дождем и осталась бы еще, но почтенного вида спасательница приказала мне выйти из воды «по соображениям здоровья и безопасности». Я сказала, что сегодня у меня день рождения, втайне надеясь на дополнительный «подарочный» круг. В ответ она заявила, что если молния ударит в открытый водоем, то «поджарит меня, как ломтик бекона», а ей подобные неприятности не нужны «ни в день рождения, ни в любой другой».

После обеда я вернулась к себе. Моя новая квартира с одной спальней – маленькая, зато впервые своя – располагалась на втором этаже викторианского дома в Арчвэе. Агент по недвижимости расписал ее как «теплую, оригинальную и требующую обновления». В квартире имелся коричневый ковер, текстурой напоминающий кофейные гранулы, кухонный гарнитур из сосны с двумя сломанными дверцами и ванная комната в стиле восьмидесятых с персиковым кафелем и запущенным биде. Предчувствуя, что на ремонт придется копить целую жизнь, я все-таки благодарила судьбу, когда просыпалась по утрам и разглядывала завитки декоративной штукатурки на потолке. Я даже не надеялась когда-нибудь обзавестись собственным жильем в Лондоне, и сам факт

исполнения этой несбыточной мечты превращал квартиру в лучшее место на земле.

У меня было двое соседей. Альма, пожилая вдова с верхнего этажа, любила при встрече поболтать о разведении помидоров на подоконнике и щедро снабжала меня остатками восхитительного домашнего киббеха². С женщиной снизу я до сих пор не познакомилась, хотя в течение месяца после переезда предприняла несколько попыток. На мой стук в дверь никто не реагировал. Альма сказала, что тоже никогда с ним не общалась, но один раз говорила с его сожительницей о счетчике электроэнергии в доме. Я только слышала, как он приходит с работы в шесть часов, сидит практически в тишине до полуночи, затем готовит и ест ужин перед телевизором.

Я наскребла деньги на квартиру из личных сбережений, гонорара за первую книгу «Вкус» и аванса за вторую книгу «Крошечная кухня». Сборник рецептов «Вкус» был вдохновлен семейными кулинарными традициями, моими друзьями, единственными долгими отношениями, поездками и любимыми шеф-поварами. Рецепты сменялись воспоминаниями о том, как шло становление моих кулинарных вкусов и параллельно – персональных предпочтений и взглядов на жизнь. Я рассказывала, как совмещала основную работу учителем английского языка в средней школе с организа-

---

² Киббех – ближневосточные котлеты из дробленой пшеницы, мелко измельченного мяса и рубленого лука.

цией клуба ужинов по вечерам и выходным, и в конце концов накопила достаточную сумму, бросила все и стала зарабатывать только написанием книг о еде. Также я не забыла упомянуть об отношениях и окончательном дружеском расставании с первым и единственным бойфрендом Джо, который поддержал мое решение написать о нас. После неожиданного успеха «Вкуса» я получила колонку в приложении к газете, несколько гибельных для души, но спасительных для банковского счета партнерских соглашений с продуктами брендами и контракт на еще две кулинарные книги.

В «Крошечной кухне», завершенной совсем недавно, я поведала о готовке и радостях жизни в арендованной квартире-студии с одноконфорочной плитой игрушечного размера и острым дефицитом свободного места на кухне. Это было мое первое отдельное жилье после расставания с Джо. Сейчас я с головой погрузилась в третью книгу – безымянный проект о сезонной кулинарии, который пока находился на этапе разработки. За годы писательства я поняла, что это самая лучшая стадия, ведь произведение еще не вышло за рамки идеи, а значит, лишено недостатков.

Я набрала ванну и включила излюбленный плей-лист на «Айтюнс». В мои двадцать он назывался «Иду на пьянку», но пару лет назад я переименовала его в «Золотое времечко», чтобы отметить переход от безрассудных плотских развлечений к осознанному, взвешенному удовольствию. Я составила плей-лист для сборов на вечеринку еще на первом

курсе, и с тех пор воспроизводимые на полную мощность треки неизменно сопровождали череду женских ритуалов: мытье волос и их сушка с наклоненной вниз головой для увеличения объема на десять процентов, выщипывание верхней губы, два слоя туши, второй бокал, два пшика духов. Когда звучал предпоследний трек («Nuthin' but a "G" Thang»), такси уже стояло у дверей, а я кромсала ноги одноразовой бритвой над раковиной, потому что забыла побрить их в душе.

Мои подстриженные до плеч волосы вернулись к естественному темно-каштановому цвету. Недавно я обрезала челку в попытке скрыть новые морщинки на лбу – тонкие, как папиросная бумага, но достаточно заметные, чтобы хотелось о них забыть. К счастью, я сэкономила время на макияже. С косметикой я никогда не дружила, и слава богу, так как уход за собой уже отнимал у меня слишком много времени и служил постоянным источником феминистской вины, наряду с полным отсутствием интереса к рукоделию и всем видам спорта. Иногда, впадая в уныние, я развлекалась подсчетом минут, которые потрачу за всю жизнь на депиляцию верхней губы, если доживу до восьмидесяти пяти, и представляла, сколько языков могла бы выучить за это время.

На вечеринку по случаю дня рождения я надела черное платье с высокой горловиной и открытой спиной. Лифчик я отвергла – просто чтобы показать, что не нуждаюсь в нем. Ничтожное утешение в обмен на маленькую грудь. Впрочем, на этот счет я не переживала, окончательно смирившись

со своей комплекцией. У меня был досадный одиннадцатый размер одежды, средний рост пять футов четыре дюйма, и я радовалась возвращению моды на большие попы. Я даже с некоторой гордостью отметила, что теперь их обладательницы занимают более двух категорий на любой порностриминговой платформе.

В этом году несколько знакомых остались без приглашения. В частности, мой бывший бойфренд. Я хотела позвать Джо, но тогда пришлось бы звать и его девушку Люси. В общем-то она была безобидным созданием, хотя и носила сумочку в форме туфли на шпильке. Только Люси всегда считала, что между нами есть какая-то недоговоренность. Стоило ей выпить три бокала определенного сорта розового вина («Это блаш?» – пыталась она уставшего бармена, вынужденного отвечать на этот вопрос 134-й раз за день), как у нее возникало желание поговорить. Она спрашивала, есть ли у меня к ней претензии, не чувствую ли я неловкости между нами. Подчеркивала, насколько я важна для Джо и какую особенную роль играю в его жизни. Обнимала меня и неоднократно изъявляла надежду стать подругами. Мы виделись уже раз пять, а они с Джо встречались больше года, но на светских раутах Люси по-прежнему норовила выяснить отношения в укромном уголке. Я часто думала о том, почему она это делает, и пришла к выводу, что Люси смотрит чересчур много постановочных реалити-шоу. Очевидно, она не считала вечеринку состоявшейся, пока две женщины в платьях

с баской не брались за руки и одна из них не говорила: «После того как ты переспала с Райаном, я не считаю тебя своей подругой, но всегда буду любить как сестру».

Всего в паб пришло двадцать гостей, в основном университетские друзья, пара школьных приятелей, бывшие коллеги и те, с кем я работала в настоящее время. Были также друзья, с которыми я виделась ровно дважды в год: один раз на их дне рождения, второй – на моем. В какой-то момент мы пришли к обоюдному пониманию, что не хотим вовсе отказываться от нашей дружбы, но абсолютно не горим желанием тратить на нее время вне этих двух встреч в году. Такое молчаливое соглашение одновременно и удручало, и радовало.

Правила хорошего тона требовали пригласить партнеров и супругов. По большей части это были добропорядочные мужчины, отнюдь не блиставшие красноречием, и я знала, что они весь вечер просидят за барной стойкой, потягивая пинту за пинтой, а по пути в туалет будут всякий раз говорить мне «с днем рождения». В конце концов они устанут и примутся ворчать своей второй половине, что пора домой. Я дивилась мужчинам, с которыми подруги связали жизни, и особенно их манере общения. На вечеринках, куда я ходила с Джо, между подружками и женами его друзей всегда царило чувство общности. Пересекаясь через бойфрендов, мы обменивались мыслями, слушали, больше узнавали друг о друге и постепенно сближались. Со временем я заметила, что оказавшиеся в одном пространстве мужчины поступают

ровно наоборот. Обычно они считали разговор успешным, если удавалось ввернуть факты или сведения, неизвестные другим, рассказать интересный анекдот, дать наставление, выразить мнение о планах на будущее или как-нибудь иначе оставить след в разговоре, словно метку на стволе дерева. Их угнетало, если они узнавали больше, чем сообщали, как будто вечеринка прошла впустую или они проявили себя не с лучшей стороны.

Особенно их радовали случаи банальных совпадений. Мужчины, которых я встречала на днях рождения подруг, всегда искали точку пересечения во взглядах или жизненном опыте, чтобы без усилий установить мгновенный контакт с собеседником, не пытаясь его узнать или понять. «Ого, мой брат тоже учился в универе Лидса. Ты где жил? СЕРБЕЗНО? Во дела... Выходит, ты знаешь Силвердейл-роуд, прямо у местного “Ко-опа”³? Типа, слева от “Ко-опа”. Да, она самая. У девушки друга моего брата был там дом. Как тесен мир! А в паб на углу заглядывал? В “Королевский герб”? Нет? Зря, отличный паб, просто шикарный».

Из всех вторых половинок я обожала только Гетина, давнего бойфренда моего университетского друга Дэна. Мы втроем были знакомы сто лет и провели вместе немало безумных ночей и незабываемых выходных. Уж на кого-кого, а на Дэна и Гетина всегда можно было рассчитывать в вопросе пренебрежения традициями. Однако в последнее вре-

---

³ «Ко-оп» – крупная британская сеть супермаркетов.

мя их поступки все чаще разочаровывали своей тривиальностью. Во-первых, они «закрыли» свои отношения – к моему огорчению, поскольку их союз был единственным известным мне успешным примером полигамии, а истории о сексуальных похождениях того и другого стали притчей во языцех. Во-вторых, они составили ужасно запутанный график употребления спиртного, согласно которому пить дозволялось только в определенные выходные, а в другие – нет, и никакого алкоголя по будням. Наконец, они перестали ходить по вечеринкам, потому что вечно откладывали деньги, а недавно начали процесс усыновления и купили в Бромли дом с двумя спальнями.

Дэн и Гетин пропустили по две пинты лимонада, поведали кошмарную историю о дереве на соседском участке, которое переросло к ним в сад, и уехали в восьмом часу, чтобы «добраться до Бромли», словно им предстоял путь в Мордор.

Подарки были хорошо продуманными: гости внимательно отнеслись к моей личности, предпочтениям и образу жизни. Среди прочего – раннее издание «Свадеб в Троицу» Филипа Ларкина⁴, моя любимая марка дымчатого соуса чили, который можно купить лишь в Америке, и китайское денежное дерево в качестве сувенира на новоселье и талисмана для новой книги. Схалтурила только моя бывшая школьная

---

⁴ Филип Ларкин (1922–1985) – британский поэт, романист. Поэзии Ларкина свойственны мотивы памяти, прошлого, одиночества и смерти. Сборник из 32 стихотворений «Свадьбы в Троицу» опубликован в 1964 году.

начальница. Она подарила оформленную в рамку иллюстрацию 1950-х годов с изображением женщины за мытьем посуды и надписью: «Если бы Бог создал меня для работы по дому, он бы насыпал бриллианты в раковину!» Не в первый раз я получала подарок такого сорта: очевидно, мое длительное одиночество и пристрастие к водке с мартини наводили окружающих на мысль, что мне нравятся кричащие винтажные лозунги, высмеивающие пьяных, отчаявшихся, бездетных, падких на сладости или расточительных женщин. Я поблагодарила ее за подарок.

Мои друзья Эдди и Мира предложили мне дорожку кокаина. Они умирали от желания «хорошенько оттянуться вместе» в первый раз за полтора года, поскольку в течение этого срока Мира была беременна, родила и совсем недавно перестала кормить грудью. Теперь она могла накачиваться выпивкой без риска навредить ребенку. В глазах Эдди и Меры я разглядела дикий восторг новоиспеченных родителей, вырвавшихся на свободу. Я вежливо отказалась от подношения: от меня не ускользнуло, что под кайфом Мира без умолку трещит о необходимости декретного отпуска для отцов, особенно упирая на фразу «стандартные патриархальные концепции воспитания». Эдди никак не мог принять удобную позу и беспокойно переминался с ноги на ногу, и оба беспрестанно говорили о фестивале в Гластонбери словно его организаторы.

Моя Единственная Незамужняя Подруга Лола отвела ме-

ня в сторонку и посетовала на осуждение и холодность, исходящие от женатых гостей. На губах у нее была красная помада, на голове – нечто невообразимое из наполовину подколотых, наполовину распущенных завитых локонов, на манер парика барристера. Лола сооружала подобные прически только с сильного похмелья, когда хотела поднять самооценку. Она призналась, что прошлым вечером много выпила на свидании, которое началось в семь часов в пабе на берегу канала, перетекло в ужин, затем в бар, потом в другой, после чего – в три часа ночи – к ней домой. Судя по всему, она не ложилась спать. Моя Единственная Незамужняя Подруга Лола занималась организацией мероприятий, но я назвала бы ее внештатным специалистом по свиданиям. Вот уже десять лет она отчаянно искала серьезных отношений, и никто из наших общих знакомых не мог понять, почему ей не удавалось зайти дальше нескольких свиданий. Очаровательная, забавная, красивая! Природа щедро наградила ее не просто огромным бюстом, а огромным бюстом, не нуждающимся в лифчике. По словам Лолы, она «балдела» из-за вчерашнего свидания. Я пошутила, что ее прическа говорит сама за себя. Лола хотела ехать домой на метро, но согласилась выпить еще бокал просекко на дорожку: я пообещала, что вскоре придет младший брат Эдди, холостяк двадцати шести лет и стажер в ветеринарной клинике.

Моя самая давняя подруга Кэтрин, которую я знала с первого дня средней школы, спросила меня о планах на предсто-

ящий год. Я сказала, что, похоже, наконец созрела для новых отношений. Она так и просияла, вероятно, усмотрев в моем желании искать партнера скрытое одобрение своего решения выйти замуж и родить ребенка. Я заметила, что после тридцати люди воспринимают любой ваш выбор как прямое суждение об их жизни. Если они голосуют за либеральных демократов, а вы за лейбористов, значит, вы поддерживаете лейбористов нарочно, чтобы досадить им. И переехать в пригород вслед за ними вы отказываетесь исключительно из желания подчеркнуть, что в отличие от них ведете светскую жизнь. Кэтрин познакомилась с будущим мужем, Марком, в двадцать с небольшим и с тех пор проповедовала многолетнюю моногамию, зазывая всех под свои знамена.

Я была пассивной одиночкой – то есть не ходила на свидания – вот уже два года, с тех пор как рассталась с Джо. Мы встречались семь лет, прожили вместе четыре, наши жизни и круги общения были тесно связаны; при мне он взял моду говорить «сей же час» вместо «сейчас» и называть «Фейсбук»⁵ «книгой лиц». После разрыва я на шесть месяцев ушла в загул, чтобы наверстать упущенный за эти годы секс. Правда, «загул» для меня ограничился тремя мужчинами, с каждым из которых я пыталась построить серьезные отношения. Диагностировав у себя созависимость, накануне тридцатилетия я решила завязать с романами и посмотреть, что со-

---

⁵ Деятельность социальной сети Facebook запрещена на территории РФ по основаниям осуществления экстремистской деятельности. (*Здесь и далее.*)

бой представляет одиночество. С тех пор я впервые жила одна, путешествовала самостоятельно, из учителя и по совместительству писателя превратилась в полноценного писателя с опубликованной книгой и отбросила все привычки, накопленные за почти десять лет уютной, комфортной моногамии. Недавно я вновь почувствовала себя готовой к свиданиям.

Последние заказы принесли в одиннадцать. Кэтрин ушла незадолго до того, потому что была беременна. Она об этом не говорила, но я и сама догадалась: вначале Кэтрин съела маринованные огурцы со всех бургеров, а потом заказала тарелку корнишонов. Ее страшно тянуло на соленое во время беременности Оливией. Я спросила, не сказались ли ее вкусовые пристрастия на выборе имени для ребенка – она обиделась. За последние несколько лет я много узнала о том, что не нравится беременным женщинам и молодым мамам, например, любые вопросы или комментарии насчет имени их ребенка. Одна подруга перестала со мной разговаривать, когда я весьма любезно сообщила, что имя ее сына Бо следует писать «Beau», а не на манер французского множественного числа «Beaux». Увы, свидетельство о рождении уже выдали. Другая разозлилась на мой вопрос о том, что сподвигло ее назвать дочь Бэй – лавровое дерево, оконная ниша или дорожный карман⁶. Особенно их выводило из себя, если они сообщали вам имена своих детей «по секрету», а вы случайно проговаривались кому-то, и это доходило до сведения ма-

---

⁶ Английское слово «bay» используется для обозначения всех этих понятий.

тери.

Но самой страшной бестактностью (хуже, чем вопросы о возрасте, отрывка на людях и еда с ножа) было догадаться об интересном положении женщины и спросить ее напрямик. Когда же вас наконец известят о ребенке, нельзя говорить, что вы догадывались, – они это ненавидят. Им нравится нотка театральности, сопутствующая важному признанию. Если честно, я их понимаю и, возможно, сама поступала бы так же: откуда еще брать острые ощущения, если вам девять месяцев нельзя пить спиртное? Вот почему я лишь молча кивнула, когда Кэтрин ушла с вечеринки под выдуманном предлогом: якобы утром ей «надо починить машину».

Около десяти вечера раздались призывы отправиться в круглосуточный клуб на Кингс-Кросс – в основном со стороны вновь прибывшего стажера, которого Лола уже всю обхаживала. Однако к четверти двенадцатого никто его так и не поддержал. Эдди и Мире пора было возвращаться домой, чтобы отпустить няню. Наблюдая за ритмичным движением их челюстей, я с ужасом представляла ожидающую их нервную, бессонную ночь. Лола и ветеринар удалились на поиски «винного бара», иначе говоря – какого-нибудь темного места, где можно будет нести друг другу пьяную чепуху, пока один из них не сделает первый шаг, и они не займутся петтингом на диванчике. Я не возражала, так как сама уже хотела отправиться на боковую. Я обняла на прощание оставшихся гостей и не вполне трезво призналась всем

в любви.

Дома я прослушала половину эпизода любимого на текущий момент подкаста (забавные истории о серийных убийцах-женщинах), смыла тушь с ресниц, почистила зубы нитью и щеткой. Потом поставила новый старый томик «Свадеб в Троицу» на книжную полку, а китайское денежное дерево – на каминную. Я чувствовала себя необычайно приподнято. В тот августовский вечер, в первые часы второго дня тридцать третьего года моей жизни, мне казалось, что все случайные мелочи давным-давно складывались так, чтобы совпасть в этом моменте.

Я легла в постель и впервые в жизни скачала приложение для знакомств. Лола, ветеран в этом деле, рекомендовала «Линкс» (иконка с силуэтом дикой кошки): по ее словам, у них был самый большой выбор подходящих мужчин и лучшие показатели по совпадениям для долгосрочных отношений.

Я заполнила раздел «Обо мне»: Нина Дин, 32 года, кулинарный писатель. Местонахождение: Арчвэй, Лондон. Ищу: любовь и идеальную булочку с изюмом. Я загрузила несколько фотографий и вскоре уснула.

Так, тридцать второй день рождения, самый заурядный из всех возможных, чудесным образом положил начало самому странному году моей жизни.

Часть первая

Наше воображение, а не другой человек, несет ответственность за любовь.

Марсель Пруст

1

Решение родителей переселиться из Восточного Лондона в северный пригород, когда мне исполнилось десять лет, было исключительно утилитарным. Объясняя свой переезд, они неизменно ссылались на практичность: здесь было немного безопаснее и просторнее и в то же время близко к городу, школам и большинству автомагистралей. Они говорили о переезде в Пиннер, как о поиске гостиницы неподалеку от аэропорта для раннего вылета – удобно, анонимно, без суеты, ничего примечательного, зато функционально. Ничто в месте проживания не дарило родителям эстетического удовольствия или поводов для гордости: ни пейзаж, ни история, ни парки, ни архитектура, ни сообщество, ни культура. Они жили в пригороде, потому что отсюда до всего было рукой подать. Их семейный очаг – да, собственно, и вся жизнь – строился вокруг удобства.

В наших спорах Джо часто приводил в качестве аргумента

свое северное происхождение – мол, он вырос в рабочей среде, не тешил себя иллюзиями и потому с большей вероятностью был прав. Я терпеть не могла то, как он цинично прикрывался репутацией Йоркшира, эксплуатируя в собственных интересах романтическое наследие шахтеров и болот. В начале наших отношений Джо все время делал вид, что мы выросли в разных галактиках, так как его мама работала парикмахером в Шеффилде, а моя – секретаршей в Харроу. Когда я впервые приехала в гости к его родителям – в скромный дом с тремя спальнями в пригороде Шеффилда, – я поняла, какую ложь мне скормили. Если бы я не знала, что нахожусь в Йоркшире, то поклялась бы, что мы не выезжали дальше границы Лондона и Хартфордшира, где я провела юность. Тихая улочка Джо не отличалась от моей: те же дома с такими же красными крышами. Холодильник так же битком набит фруктовыми йогуртами и замороженным чесночным хлебом. В школьные годы у него был такой же велик, и он колесил на выходных по таким же улицам. Как и меня, его водили в пиццерию в день рождения. Обман раскрылся. «Джо, больше не делай вид, будто нас воспитывали по-разному, – попросила я в поезде на обратном пути. – Хватит притворяться, будто ты вышел из песни Джарвиса Кокера⁷ о любви к женщине в фартуке. В тебе от этой песни не боль-

---

⁷ Джарвис Кокер (род. 1963) – британский музыкант из Шеффилда, вокалист группы «Pulp». Песни группы затрагивали бытовые темы и рассказывали о буднях выходцев из среднего класса.

ше, чем у меня от “Chas & Dave”⁸. Мы выросли в одинаковых пригородах».

В последние годы меня вдруг потянуло в родные пенаты, где все было так знакомо. Центральные улочки с избытком дантистов, парикмахеров и букмекерских контор и острым дефицитом независимых кофеен. Долгий путь от вокзала до родительского дома. Женщины с одинаковыми стрижками боб, лысеющие мужчины, подростки в толстовках. Отсутствие индивидуализма, мирное непротивление обыденности. Начало взрослой жизни быстро обернулось собственно взрослой жизнью с ее каждодневным выбором, определяющим, кто я, за кого голосую, кто мой интернет-провайдер. Возвращение на полдня туда, где протекли мои подростковые годы, было сродни короткому отпуску в прошлое. Приезжая в Пиннер, я вновь становилась семнадцатилетней, хотя бы на один день. Я могла делать вид, что мой мир ограничен, выбор не играет особой роли, а впереди простираются бескрайние возможности.

Мама открыла дверь в своей обычной манере: всем видом демонстрируя, что ее отвлекли от массы важных дел. Прижимая переносной домашний телефон к уху плечом, она изобразила слабую извиняющуюся улыбку, одними губами произнесла «Прости» и закатила глаза. На ней была серая

---

⁸ «Chas & Dave» – британский поп-рок-дуэт из Лондона, позиционировавший себя как голос рабочего класса.

футболка с круглым вырезом и черные трикотажные штаны – недостаточно плотные для брюк, недостаточно обтягивающие для легинсов и недостаточно мешковатые для пижамы. Ее стандартный набор золотых украшений включал в себя толстый браслет, браслет-бэнгл, серьги-гвоздики с жемчугом, цепочку-жгутик и обручальное кольцо. Вероятно, она пришла с какой-то тренировки или собиралась на нее. Мама стала одержима физическими упражнениями с тех пор, как ей исполнилось пятьдесят, хотя вряд ли это изменило ее вес хоть на полфунта. Постменопауза облекла ее в новые мягкие формы: небольшой второй подбородок, раздавшаяся талия, складки на спине, проступающие поверх лифчика под футболкой. И она выглядела прекрасно. Это была не та красота, от которой захватывает дух, а та, что притягивает своей обыденностью, как открытый огонь, букет розовых роз или золотистый кокер-спаниель. Ее боб оттенка эспрессо, несмотря на проблески седины, отличался восхитительной густотой, а высветленные пряди отливали золотом в свете икеевской лампы на потолке. Я почти ничего не унаследовала от маминой внешности.

– Да, хорошо, – произнесла она в трубку и поманила меня в прихожую. – Отлично, тогда давайте выпьем кофе на следующей неделе. Просто назовите день. Я принесу набор для изучения Таро, помните, я рассказывала? Ничего сложного. Нет-нет, можете оставить его себе. Конечно. Тогда до встречи, пока!

Мама повесила трубку, обняла меня, а затем, отстранившись на расстояние вытянутых рук, стала изучать мою челку.

– Это что-то новенькое, – озадаченно произнесла она, будто разгадывала кроссворд.

– Да, – сказала я, ставя сумочку и разуваясь (всем визитерам полагалось снимать обувь у двери – здесь это правило соблюдали строже, чем в Голубой мечети). – Отрезала перед днем рождения. Подумала, что неплохо бы скрыть свои тридцатидвухлетние морщины на тридцатидвухлетнем лбу.

– Не глупи. – Мама легко махнула по моим волосам. – Для этого не нужны космы, просто используй качественный тональник.

Я улыбнулась: ее слова меня не задели, хотя удивляться было нечему. Маму всегда огорчало то, насколько неженственной я росла – она бы предпочла дочку, с которой можно ходить по магазинам за нарядной одеждой и обсуждать праймер для лица. В мои школьные годы, когда Кэтрин заглядывала в гости, мама дарила ей свои старые украшения и сумочки, и вдвоем они перебирали их, как подружки на барахолке. Она без ума влюбилась в Лолу при первой встрече исключительно на том основании, что обе были страстными поклонницами одного хайлайтера для лица.

– Где папа? – поинтересовалась я.

– Читает.

Я заглянула через стеклянные двери в гостиную: отец сидел с газетой в кресле бутылочно-зеленого цвета, положив

ноги на скамеечку. Рядом на журнальном столике стояла большая кружка чая. При взгляде в профиль казалось, что папин выступающий подбородок и длинный нос (унаследованные мной) стремятся наперегонки к одной финишной черте.

Разница в возрасте моих родителей составляла семнадцать лет. Они познакомились, когда папа работал завучем в муниципальной школе, а маму туда направило агентство в качестве секретарши. Ей было двадцать четыре, ему сорок один. Разница в их характерах была столь же существенной. Папа – чуткий, мягкий, любознательный, интроверт и интеллеktуал – интересовался всем на свете. Мама – практичная, инициативная, предприимчивая, прямолинейная и властная – с головой погружалась в любые начинания.

Улучив момент, я наблюдала за читающим «Обсервер» отцом из-за стеклянных дверей. Отсюда он казался прежним: готовым поведать, куда девается мусор в Китае, или о десяти неизвестных мне фактах об Уоллис Симпсон⁹, или о бедственном положении вымирающей породы соколов. Он мог меньше чем за секунду воссоздать меня по памяти – не внешность, а все, что меня олицетворяло: имя моего воображаемого друга детства, тему диссертации, любимого персонажа из любимой книги и названия всех улиц, на которых

---

⁹ Уоллис Симпсон (1896–1986) – герцогиня Виндзорская, супруга бывшего короля Великобритании Эдуарда VIII, ради брака с которой он в 1936 году отрекся от престола.

я жила. Глядя сейчас на хорошо знакомые черты, я по большей части видела прежнего отца, но порой что-то в выражении его лица меня озадачивало, словно папин образ мира порезали на кусочки и он пытался сложить их в единую осмысленную картинку.

Два года назад у папы случился инсульт. Только через пару месяцев мы поняли, что он не до конца оправился. Папа, всегда такой догадливый и рассудительный, стал медленнее соображать. Он забывал имена членов семьи и близких друзей. Ухудшилась его способность быстро принимать решения. Он регулярно терялся во время прогулок и часто не мог вспомнить улицу, на которой жил. Сначала мы с мамой списывали это на старение мозга, опасаясь признать возможность чего-то более серьезного. Затем однажды маме позволил незнакомый человек и рассказал, что папа двадцать минут кружил на машине по оживленной кольцевой развязке, не зная, где свернуть. В конце концов кому-то удалось его остановить. Мы пошли к терапевту, тот сделал ряд анализов, когнитивных тестов и МРТ. Подтвердилось то, чего мы боялись.

– Привет, пап, – сказала я, подходя к нему.

Он поднял взгляд от газеты.

– Привет!

– Не вставай. – Я наклонилась его обнять. – Что интересного пишут?

– Вышла новая экранизация «Доводов рассудка».

Он протянул мне рецензию.

– А, любимица интеллектуалов Остин.

– Точно.

– Я собираюсь помочь маме с обедом.

– Хорошо, дорогая, – сказал он, затем снова открыл газету и погрузился в привычное умиротворение.

В кухне мама резала соцветия брокколи и складывала их рядом с горкой нашинкованных киви. Из динамиков женский голос громко и медленно говорил о подчинении мужскому сексуальному желанию.

– Что слушаешь? – поинтересовалась я.

– Аудиокнигу Андреа Дворкин «Половой акт».

– Погоди... что?

Я убавила громкость на несколько делений.

– Андреа Дворкин. Известная феминистка. Ты наверняка ее знаешь. Крупная такая. Весьма умная женщина, правда, без чувства юмора...

– Я знаю, кто такая Андреа Дворкин. Я имела в виду, почему ты слушаешь ее аудиокнигу?

– Для собрания «Книгоголиков».

– Твоего книжного клуба?

Мама раздраженно вздохнула и достала из холодильника огурец.

– Это не книжный клуб, Нина, а литературный салон.

– В чем разница?

– Ну... – Она чуть поджала губы, но я видела, что она рада возможности вновь объяснить отличие литературного салона от книжного клуба. – Мы с девочками решили собираться дважды в месяц и обсуждать не столько сами книги, сколько общие идеи, поэтому никаких строгих правил. Каждая встреча затрагивает отдельную тему и включает дискуссии, чтение стихов и обмен личным опытом.

– И какова тема следующего заседания?

– «Гетеросексуальный акт – синоним изнасилования?»

– Ясно. А кто будет?

– Энни, Кэти, Сара из моего бегового клуба, Глория, ее кузен Мартин и Маргарет – она работает со мной волонтером в благотворительном магазине. Каждый готовит блюдо. Я делаю шашлык из халуми, – сказала она, переходя с разделочной доской к блендеру и отправляя в него мешанину из фруктов и овощей.

– Откуда такой внезапный интерес к феминизму?

Мама нажала кнопку на приборе, и тот с резким гудением начал перемалывать кубики в блекло-зеленую жижу.

– Не такой уж внезапный! – прокричала она, перекрывая электрический рев, затем выключила блендер и налила волокнистую жидкость в стакан.

– А вообще здорово, мам, – смягчилась я. – Классно, что у тебя столько разных интересов.

– Да уж, – сказала она. – И еще только у меня есть свободная комната в доме, поэтому я предложила использовать ее

для встреч «Книгоголиков».

– У тебя нет свободной комнаты.

– Кабинет твоего отца.

– Но папе нужен кабинет.

– Никто его у папы не забирает. Просто какой смысл держать целую комнату в доме и почти ею не пользоваться, словно мы живем в Бленхаймском дворце¹⁰?

– А как насчет его книг?

– Перенесу их вниз.

– А документы?

– Все важное у меня в архиве. Кроме того, кучу вещей можно выбросить.

– И все-таки я бы их просмотрела, если не возражаешь, – выпрашивала я, словно капризный ребенок. – Вдруг они ему нужны? Или понадобятся нам, позже, чтобы освежить его память и напомнить о...

– Конечно, конечно, – сдалась она, отпивая смузи и недовольно раздувая ноздри. – Все наверху в нескольких стопках, ты увидишь на лестничной площадке.

– Хорошо, спасибо. – Я слегка улыбнулась в знак примирения, сделала глубокий, но невидимый йоговский вдох и спросила: – Какие еще новости?

– Вроде бы никаких... Ах да, я решила изменить имя.

– Что? Зачем?

---

¹⁰ Бленхаймский дворец – родовое имение герцогов Мальборо, один из крупнейших дворцово-парковых ансамблей Англии.

– Мне никогда не нравилось имя Нэнси, оно слишком старомодное.

– Немного странно менять его сейчас, не находишь? Все уже знают тебя как Нэнси, новое имя не приживется.

– Хочешь сказать, я для этого слишком стара?

– Нет. Просто, по-моему, эксперименты с именем уместнее в средней школе, а не после пятидесяти.

– Ну а я решила поменять его сейчас, и точка. Я все узнала – тут нет ничего сложного.

– И какое имя ты хочешь взять?

– Мэнди.

– Мэнди?

– Мэнди.

Я сделала еще один глубокий йоговский вдох.

– Разве Мэнди не из той же оперы, что и Нэнси? Они ведь даже рифмуются.

– Нет.

– Да, это называется «ассонанс».

– Я ждала чего-то подобного. Вечно ты найдешь способ меня упрекнуть. Не понимаю, почему тебя это так заботит, я всего лишь хочу любить свое имя.

– Мам! – взмолилась я. – Никто тебя не упрекает. Просто эта новость – как гром среди ясного неба.

– Вовсе нет, я всегда говорила, что мне нравится имя Мэнди! Я всегда считала его стильным и забавным.

– Ладно, ты права, оно стильное и забавное, но подумай

вот о чем... – Я понизила голос: – Возможно, сейчас не самое подходящее время забивать папе голову тем, что его жена через тридцать пять лет совместной жизни взяла другое имя.

– Не говори глупостей, все куда проще, – отрезала она. – Ни к чему раздувать из мухи слона.

– Он не поймет...

– Я не могу сейчас об этом говорить. Иду с Глорией на ви-ньяса-флоу йогу.

– Ты не останешься? Я приехала с вами пообедать.

– В доме полно еды. В конце концов, ты повариха. Вернусь через несколько часов, – сказала она, беря ключи.

Я пошла к отцу, все еще увлеченному газетой.

– Пап?

– Да, Би? – произнес он, поворачивая голову.

При упоминании папой моего детского прозвища я ощутила волну облегчения. Как и у всех удачных прозвищ, у него имелось множество бессмысленных и затейливых версий: изначальное «Нина-Бина» превратилось в «мистера Бина», «Бамбини», «Бинибина» и, наконец, просто в «Би».

– Мама ушла, так что я приготовлю нам обед. Как насчет фриттаты?

– Фриттата, – повторил папа. – У нее есть английское название?

– Это вычурный омлет. Представь омлет, принаряженный для вечеринки.

Он засмеялся.

– Чудесно.

– Только сначала разберусь с вещами наверху, а после займусь готовкой. Может, пока принести тебе кусочек тоста? Или что-нибудь еще?

При виде растерянного папиного лица я тотчас укорила себя за слишком сложную постановку вопроса. По большей части папа был способен быстро принимать решения, но иногда путался при выборе ответа. Чтобы спасти его от замешательства, я спросила:

– Тост – да или нет?

– Возможно. – Он слегка нахмурился. – Не знаю, я немного подожду.

– Хорошо, когда надумаешь – скажи.

Я перетащила три коробки в свою спальню. За те десять лет, что я не жила дома, комната не изменилась и походила на музей типичной девочки-подростка начала и середины нулевых. Сиреневые стены, фотографии школьных друзей на стенке шкафа и свисающие с зеркала потускневшие браслеты, которые мы с Кэтрин привозили с музыкальных фестивалей. Я просмотрела бумаги в коробках: в основном графики и планы, не имеющие сентиментальной ценности. Страницы из записных книжек конца девяностых с датами визита к зубному и расписанием занятий. Стопки старых газет с историями, вызвавшими папин интерес. Из кучи макулатуры я вытащила несколько писем и открыток: длинное послание от его покойного брата, моего дяди Ника, с много-

численными жалобами на слишком жирную еду на Паксосе; открытка от бывшего ученика с благодарностью за помощь при поступлении в Оксфорд и снимок счастливого выпускника у колледжа Магдалины. Мама права: эти реликвии прошлого ему не нужны, но я понимала папино нежелание с ними расстаться. У меня самой в обувных коробках хранились билеты в кино с первых свиданий с Джо и счета за коммунальные услуги из квартир, где я больше не жила. Почему-то они казались важными: чем-то вроде свидетельства прожитых лет, которое в случае чего можно предъявить, как водительские права или паспорт. Возможно, папа каким-то образом предвидел необходимость сохранить бег времени в бумагах, страницах ежедневника, письмах и открытках на случай, если файлы его памяти однажды исчезнут.

Внезапно раздался пронзительный визг пожарной сигнализации. Я бросилась вниз на запах гари. Папа стоял в кухне и, заходясь в кашле, вынимал из дымящегося тостера обугленные страницы «Обсервера».

– Папа! Что ты делаешь?!

Перекрикивая тонкий, пронзительный сигнал, я замахала руками в попытке разогнать дым.

Папа смотрел на меня как лунатик, пробудившийся ото сна. От обгоревших страниц сложенной газеты в его руке поднимались струйки дыма. Папа перевел взгляд на тостер, потом снова на меня и ответил:

– Не знаю.

2

К моему огромному облегчению, паб выбрал он. После дня рождения Лола – при встречах и по электронной почте – вкратце объяснила мне состояние дел на ниве современных свиданий и предупредила о неизбежных разочарованиях. Одно из них заключалось в том, что мужчины были совершенно не способны выбрать или хотя бы предложить место для свидания. Такое апатичное, подростковое, пофигистическое, дилетантское отношение к делу меня сильно отталкивало. Лола посоветовала смириться, иначе я никогда не выберусь на свидание и остаток жизни проведу на диване в полукоме, без секса, отправляя незнакомым мужчинам в «Линксе» одни и те же сообщения: «Привет, завтра свободен? Во сколько? Куда пойдём?»

Не прошло и часа, как Макс назвал место для встречи.

«Как насчет дешевых баров и стариковских пабов?» – написал он.

«Лучше не придумаешь, – ответила я. – Но никто со мной туда не ходит».

«И со мной».

«Кажется, в студенчестве мы все считали их забавными, а теперь ни у кого не осталось чувства юмора».

«Твоя правда. Может, теперь все слишком постарели, чтобы любить стариковские пабы?»

«Или стариковские пабы – это финиш нашей питейной жизни. В шутку, когда мы подростки, и по-настоящему – в старости», – напечатала я.

«А в промежутке нас затягивает в ад гастропабов, где сосиски в тесте стоят по девять фунтов».

«Точно».

«Встретимся в “Таверне” в Арчвэе. Четверг, семь часов, – написал он. – Есть доска для дартса, хозяин – старый ирландец. Никакого “Негрони” и промышленных светильников, обещаю».

«Отлично», – ответила я.

«А еще там есть танцпол, где я смогу тебя покружить, если все пойдет хорошо».

За три недели в «Линксе» Макс стал первым, с кем я договорилась о свидании. И виной тому вовсе не отсутствие попыток. В общей сложности у меня было двадцать семь активных бесед с двадцатью семью разными мужчинами. Звучит впечатляюще, но если учесть, что я тратила на приложение примерно четыре часа каждый день и давала зеленый свет сотням мужчин, то двадцать семь откликов – весьма скудный результат. Лола сказала, это нормально: ее отклики уменьшились вдвое после тридцати, так как многие мужчины ограничивали возраст кандидаток диапазоном «тридцать и младше». Когда это выяснилось, Лола гораздо спокойнее приняла сокращение количества откликов. По ее словам, какое-то время она прочесывала «Реддит» в поисках своего

имени, уверенная в том, что о ней в Сети ползут «слухи», которые быстро мутируют без ее ведома и отпугивают мужчин. Я сочла теорию Лолы о «слухах в даркнете» просто помешательством на собственной персоне, но потом вспомнила ее давнее убеждение: якобы она умрет в результате «покушения». У меня не хватило духу сказать ей, что покушаются только на знаменитостей, а обычных людей просто пристреливают.

Первые несколько дней я как зачарованная не могла оторваться от «Линкса». Я обхитрила систему романтических условностей, и теперь куча красивых и интересных мужчин только и ждали у меня в кармане. Всю жизнь нам твердили, что поиск любви – трудное испытание, требующее выносливости, времени и удачи. Я думала, придется ходить по ужасным светским мероприятиям и специализированным книжным магазинам; быть начеку на свадьбах и в метро; вести беседы с другими одинокими путешественниками за границей; выбираться куда-то четыре раза в неделю, чтобы увеличить свои шансы. Но необходимость в этих уловках отпала: больше не требовалось тратить на них время. Просматривая романтические предложения в метро, в автобусе, в туалете, я поняла, насколько экономичен новый способ. К моему облегчению, теперь необязательно было менять свое расписание ради поиска любви – я могла заниматься этим во время просмотра телевизора.

Лола сказала, что такая реакция совершенно нормаль-

на для новичка – спустя пару недель мечтательный туман рассеется, а затем, примерно через три месяца, потускнеет до серой скуки и окончательного удаления приложения. По ее словам, так будет продолжаться по кругу, пока кого-то не встретишь. Лола уже семь лет устанавливала и удаляла программы для знакомств.

Еще она сказала, что приложения привлекают новых пользователей, предлагая им лучших кандидатов. По мнению Лолы, существовал даже некий специальный алгоритм: в первый месяц новому пользователю в качестве приманки показывали профили с наибольшим числом просмотров, а затем вываливали на него остальную серую массу. Это работало, потому что ты до бесконечности просеивала обитателей dna в надежде снова найти зарытое сокровище.

Наиболее популярным типом беседы в «Линксе» был пустой треп, столь же несущественный и мимолетный, как летний ветерок. Он всегда начинался с ничего не значащего «Привет! Как дела?» или смайлика в виде машущей руки. Ответа приходилось ждать минимум три часа, чаще – три дня. Но ожидание так и не вознаграждалось качеством контента. «Извини, завал на работе, писать о еде – круто. Я работаю в сфере недвижимости» – вот все, что следовало за длительным молчанием. В разговорах также постоянно упоминались дни: «Как проходит твой день? Что на повестке вторника? Четверг удался? Какие планы на выходные?» В любом случае это не имело значения: за днем, о котором шла речь,

успевала пройти целая неделя.

Я быстро вычислила еще одну досадную категорию мужчин. Их я назвала притворными бойфрендами. «Притворный бойфренд» использовал свой профиль, чтобы транслировать образ романтического приверженца серьезных отношений. В его подборке фотографий всегда присутствовал снимок, на котором он держит ребенка друзей или – еще хуже – с обнаженным торсом сдирает обои или полирует пол. В его профиле встречались брошенные как бы вскользь фразочки типа «В поисках жены» или «Вечер моей мечты: свернуться калачиком на диване за просмотром фильма Софии Копполы». Он точно знал, чего тебе не хватало.

Столь же бесполезными, хотя и вызывающими чуть больше уважения, были мужчины, которые напрямую заявляли, что им нужна только ночь секса. Однажды мне попался такой: Аарон, учитель начальной школы в очках. В течение получаса мы вели приятную светскую беседу, а затем он спросил, не хочу ли я «пойти сегодня на свидание». Было половина одиннадцатого вечера вторника. Я поинтересовалась, имеет ли он в виду романтическое свидание или просто хочет, чтобы я пришла к нему домой. «Наверное, мы могли бы быстренько пропустить пинту», – съязвил он. На этом мой диалог с Аароном закончился.

Многие мужчины использовали малоупотребимые языковые обороты. «Добрый вечер, миледи. Не соизволите ли пропустить по стаканчику в этот солнечный денек?» – спросил

один. «Коль скоро музыка любовь питает – играйте громче¹¹, но если пишущая о еде любит и любовь, и музыку, не сходить ли нам потанцевать на следующей неделе?» – загадал шараду другой. Это мне напомнило задачку с выпускного экзамена по математике: «У Шивани десять апельсинов. Если она отдаст из них квадратный корень, сколько у нее останется?» Такой стиль соблазнения был для меня в новинку – меланхоличный и ностальгический, бессмысленный и странный, лишенный чувства юмора и непостижимый.

Другие, наоборот, поражали нарочитой простотой. «АН-ГЛИЧАНКА?» – спросил рыжеволосый механик вместо приветствия. Отдельные сообщения представляли собой неотредактированный, утомительный поток сознания с пересказом событий дня и бессвязными фразами типа: «Привет как дела только что принял холодный душ бойлер сломался вот засада! В общем теперь топаю за кофе и может перехвачу сэндвич с беконом живешь только раз. Потом иду поплавать планировал выпить с моим другом Чарли но ему не с кем оставить пса а в паб куда мы хотели нельзя с собаками как твой день хх». «Отличный профиль, Нина», – написал другой в духе учителя, выставляющего оценки за четверть.

И чем больше профилей я видела, тем больше всплывало типажей, о существовании которых я и не подозревала. Одни

---

¹¹ «Коль скоро музыка любовь питает – играйте громче» – строка из комедии Уильяма Шекспира «Двенадцатая ночь».

мужчины бравовали тем, что однажды побывали в Лас-Вегасе. Другие были заиклены на Лондоне – такие, чего доброго, вместо паба или бара выберут для первого свидания подъем на Купол тысячелетия или спуск на канате в Музее естествознания. Часто попадались «тусовщики» – днем они работали в «айти», а по вечерам украшали лицо блестками и копили отпускные, чтобы ездить на пять фестивалей в год. Встречались и такие, которые жили в лодках на канале, обожали огненные пои¹², шаровары и выглядели так, будто хотели получить от жизни все. Сотни мужчин изображали равнодушные к «Линксу» – мол, их заставили друзья, а сами они понятия не имеют, что здесь забыли (как будто скачать приложение для знакомств, заполнить профиль личной информацией и загрузить фотки было все равно, что случайно не туда свернуть на дороге).

Некоторые упирали на то, что много читают, причем не только Дэна Брауна, но и настоящих авторов: Хемингуэя, Буковски и Аластера Кэмпбелла¹³. Попадались и графические дизайнеры – целая куча графических дизайнеров. Почему в реальной жизни я знала лишь нескольких, а в этом приложении мне встретились как минимум триста пятьдесят?

---

¹² Пои – шары для кручения и жонглирования, связанные веревкой или цепью.

¹³ Аластер Кэмпбелл (род. 1957) – британский писатель, журналист, телеведущий, специалист по связям с общественностью. Опубликовал ряд книг, среди которых в основном политические мемуары.

Самую грустную категорию в моей картотеке составляли «оставшиеся не у дел». Вряд ли они подозревали о своей принадлежности к отдельному депрессивному типу. Обычно сюда входили мужчины в возрасте плюс-минус сорок лет, с широкими ухмылками на лицах, но их выдавали полумертвые глаза. На фотографиях эти люди произносили речь шафера или благоговейно смотрели на ребенка друзей во время крестин. Их усталость и тоска были осязаемы. Они мелькали в среднем через каждые десять кликов, и всякий раз при виде их у меня сжималось сердце.

Самым обнадеживающим и одновременно тревожным открытием, сделанным мною за первые недели безотчетного кликанья влево-вправо в «Линксе», было то, насколько люди лишены воображения. Мы не способны в полной мере осознать степень нашей потрясающей неоригинальности – это слишком болезненно для понимания. «Люблю активный отдых», «люблю сидеть дома», «обожаю пиццу», «ищу того, кто будет меня смешить», «просто хочу, чтобы дома ждал кто-то, к кому можно прильнуть ночью», и тому подобные банальности. Все профили несли на себе отпечаток борьбы между тем, кто мы есть на самом деле, и тем, какими хотим предстать в глазах окружающих. Вдруг стало очевидно, что все мы – не более чем набор одних и тех же органов, тканей и жидкостей, упакованных в одну из миллионов копий. У всех нас есть комплексы, желания и потребность в той или иной мере чувствовать себя обласканными, важными,

понятыми и полезными. Никто из нас не уникален. Не знаю, почему вокруг этого столько споров.

До нашей встречи я знала о Максе следующее. У него были волнистые волосы песочно-карамельного оттенка, которые, несмотря на короткую стрижку, являли свой непокорный нрав. Его рост – шесть футов четыре дюйма – на целый фут превышал мой. Кожа – на удивление смуглая для человека с его цветотипом; судя по фотографиям, он часто бывал на свежем воздухе. Глаза темно-зеленые, со слегка опущенными уголками, что наводило на мысль о благодушии, – я с легкостью могла представить, как он покупает продукты для недееспособного соседа-старика. Максиму было тридцать семь. Он жил в Клэптоне. Вырос в Сомерсете. Любил заниматься сёрфингом. Хорошо смотрелся в свободной водолажке. Выращивал овощи на участке неподалеку от дома. У нас обнаружили следующие общие интересы, жизненный опыт и убеждения: наше детство прошло под песни из альбома «Pet Sounds» группы «The Beach Boys»¹⁴; мы любили церкви и ненавидели религию; регулярно плавали на свежем воздухе; сошлись во мнении, что самый лучший из недооцененных вкусов мороженого – клубничный, из-за его натурального происхождения; странами, куда мы хотели поехать в первую очередь, были Мексика, Исландия и Непал.

---

¹⁴ «The Beach Boys» – американская рок-группа, пик популярности которой пришелся на 1960-е годы. Экспериментальный, новаторский альбом «Pet Sounds» вышел в 1966 году, а в 1998 году был включен в зал славы «Грэмми».

Я показала профиль Макса Лоле, и она радостно заявила, что «видела его там». Мне это не понравилось. Я считала этих мужчин подношениями Матери-Судьбы, выбранными ее заботливой рукой специально для меня («Не рассуждай о членах как о высокой моде», – посоветовала Лола). В поисках вероятной половинки я забыла, что тысячи других женщин тоже оценивали свои перспективы с диванов и по дороге на работу. По мнению Лолы, это была типичная реакция со-зависимой моногамистки, которая никогда толком не ходила на свидания, и если я хочу добиться успеха в приложениях для знакомств, то должна стать жестче. «Система безжалостна, – заявила она. – Нельзя подстроить ее под себя. Чтобы победить, ты должна принимать правила, всегда быть начеку и держать себя в тонусе. Вот почему это развлечение для молодых мужчин». Лола сказала, что Макс, по всей видимости, из разряда типичных «знаменитостей» в «Линксе». Она не раз с ними сталкивалась – подлецы процветали в приложениях благодаря привлекательной внешности и бездне обаяния (однажды выяснилось, что она и ее коллега встречаются с одним и тем же мужчиной: он рассылал им одинаковые тексты). По словам Лолы, такие не возьмут на себя никаких серьезных обязательств и не откажутся от статуса одиночек, пока не исчерпают все варианты, прекрасно зная, что женщины никогда не перестанут открывать их профиль.

Макс опаздывал на десять минут. Я ненавидела опоздания. Эту эгоистичную уловку использовали скучные люди,

чтобы задешево привлечь к себе внимание. Я пробовала читать книгу (подробный, хотя и удобоваримый рассказ о Северной Корее), но мой взгляд то и дело отрывался от страницы в поисках Макса, я была как на иголках и не понимала ни единого слова.

«Привет! – наконец написала я через пятнадцать минут. – Я в баре. Что будешь пить?»

«Занял на улице столик для курящих, – ответил он. – Пинта пейл-эля в самый раз, спасибо».

Я ощутила укол раздражения. Он не только не спросил, курю ли я, прежде чем устроиться на открытом воздухе прохладным вечером – он даже не известил, что сидит снаружи. Может, перед свиданием я должна была провести полную разведку местности и случайно на него наткнуться? Сколько он там сидел? Однако на свиданиях действовал особый свод правил и стандартов поведения, и всем участникам следовало принимать его как должное. Это в корне отличалось от дружеских посиделок. Вряд ли Лола поступила бы так, договорись мы о встрече в незнакомом мне пабе, который выбрала она.

Я заказала джин с тоником и пейл-эль и в последний раз оглядела свое отражение в зеркале позади барной стойки. Мой макияж ограничился слегка накрашенными ресницами, челка выглядела как нельзя лучше. Я вышла в пивной дворик – пустой, если не считать Макса, который сидел на скамейке и читал книгу. Мне стало интересно, читает ли он в са-

мом деле или просто притворяется, как и я. На нем была белая футболка, синие джинсы и коричневые кожаные ботинки. Сразу бросались в глаза его длинные-длинные ноги – одну он вытянул в проход между столиками.

Когда я подошла, Макс поднял взгляд, узнал меня и улыбнулся. От него будто исходило свечение: глаза сияли, борода отливала золотисто-каштановым, кожа блестела в лучах солнца. Взлохмаченные волосы выглядели так, словно он искупался в море и высушил их на ветру. На ботинках виднелась земля. На джинсах тоже. Он был крепкий и высокий, как секвойя, широкий в плечах, как прерия. Из плоти и крови и вместе с тем словно сошел с небес. Фундаментальный и сотканный из эфира. Неземной и олицетворяющий все земное.

– Привет.

Стоя, он возвышался надо мной. Голос у него был низкий и мягкий, напоминающий далекий раскат грома.

– Что читаешь? – спросила я. Макс поцеловал меня в обе щеки и продемонстрировал обложку книги. – О чем она?

– Это рассказ от лица человека на смертном одре. Он оглядывается на свою жизнь и размышляет об уроках, которые извлек. История о течении времени. Раньше я находил их трогательными, теперь они меня пугают.

– Истории про время ужасны, – проговорила я, усаживаясь и ставя напитки. Хоть бы он не заметил нервную дрожь в моем голосе. – Раньше я любила книги о стариках, осмыс-

ляющих прошлое на пороге смерти. Теперь с трудом их выношу.

– Я тоже, – сказал он.

В жизни Макс выглядел старше тридцати семи лет. Фотографии не запечатлели седые нити в блондинистых, осветленных солнцем волосах. Камера также не поймала морщинки и мелкие заломы на коже – последствия курения, бессонных ночей, солнца, жесткого мыла и горячей воды. Они смягчали его суровость и делали лицо еще более интригующим: я хотела узнать все об удовольствиях и невзгодах, оставивших на нем отпечаток. С некоторой досадой я отметила, насколько соблазнительными казались мне свидетельства его старения – на женском лице я сочла бы их признаками измощения, а не закалки. Только женщины, в своем стремлении угодить и обласкать, могли фетишизировать «пивной животик» малоподвижного мужчины средних лет или именовать седовласого сварливого старикана «серебряным лицом».

Макс предложил мне самокрутку. Я призналась, что умираю от желания, но вот уже три года как бросила. Скручивая сигарету и слушая меня, он время от времени поднимал взгляд, и его радужки казались еще более зелеными. Наши взгляды встретились на долю секунды, когда он облизывал краешек табачной бумаги.

Я спросила о его работе. Это первое, о чем говорят в «Линксе» – совсем как в реальной жизни. Я ненавидела

рассказывать о том, чем занимаюсь. По моим наблюдениям, едва человек, хотя бы отдаленно связанный с миром гламура (будь то искусство, СМИ, еда, писательство или мода), заводит речь о своей профессии – его тут же обвиняют в заносчивости. Кроме того, у каждого есть собственное мнение о еде, и, как только я упоминаю о своей работе, разговор почти всегда застопоривается на этой теме. Обычно меня поучают, где достать лучший димсам в Северном Лондоне, или какая из французских поваренных книг вызывает больше доверия, или какие орехи лучше всего добавлять в брауни (я и сама знаю: дробленый фундук или целый бланшированный миндаль).

К счастью, у нас с Максом разговор о работе зашел только через неделю общения в «Линксе» и четверть часа в пабе. Макс работал бухгалтером, что стало для меня полной неожиданностью. По его словам, это многих удивляло. Бухгалтерией он занялся случайно, потому что хорошо соображал в математике, а еще хотел произвести впечатление на отца, тоже счетовода. При упоминании об отце в голосе Макса мелькнула нотка то ли обиды, то ли сожаления. Я знала, что мы еще вернемся к этой теме, когда захмелеем и наш разговор примет более доверительный тон – наподобие откровенного интервью у Опри, где мы по очереди будем выступать в роли гостя.

Последние десять лет Макс ходил по кругу: работал бухгалтером, копил деньги, а затем много путешествовал. Он

любил путешествовать. Не мог сидеть на одном месте. Ненавидел ежедневную рутинную работу и мечтал о более простых вещах: давать уроки сёрфинга, трудиться на ферме, жить в уединении. Но Макс был реалистом и понимал, что, скорее всего, без стабильного дохода придется туго. Он не мог решить, какой вариант даст ему большую свободу: много зарабатывать, чтобы при желании исчезнуть куда глаза глядят, или не работать вовсе и жить в режиме полупостоянного исчезновения. По его признанию, в последние годы он чувствовал себя неприкаянным – неуверенным в том, какая жизнь сделает его счастливее. Он горел желанием убежать, но не знал, от чего и куда. Я пошутила, что обычно это ощущение называют взрослением.

Я рассказала о «Вкусе» – по его словам, он видел книгу в магазинах. Узнав о «Крошечной кухне», Макс искренне заинтересовался концепцией и попросил показать снимки моей старой квартиры-студии, где были сделаны все фотографии для книги. Пару раз он читал мою еженедельную колонку в газете, а однажды напортачил с рецептом канадского глазированного окорока, когда пригласил друзей на обед, и им пришлось заказать китайскую еду.

На вопрос Макса, не хочу ли я выпить еще по одной, я ответила утвердительно. «Одинарную или двойную?» – уточнил он. Я улыбнулась, и он заговорщически подмигнул, как будто мы были двумя сообщниками.

Пока он ходил в бар, я отметила, что уже порядком за-

хмелела, и усмехнулась про себя. Когда Макс вернулся, речь зашла о приложении для знакомств, которое и привело нас сюда. Это было неизбежно, но почему-то обсуждение вышло неловким. Мне подумалось, что единственное мероприятие, где уместно говорить о причине вашего присутствия, – похороны.

Макс сидел в «Линксе» полгода. Раньше он не пользовался приложениями для знакомств. Сначала все это его забавляло, а потом ни к чему не обязывающие встречи надоели. Он подумывал удалить «Линкс».

– Слава богу, успела до дня икс, – пошутила я.

– Ты только посмотри на себя, – ответил он. – Разве я мог устоять?

Это был первый из умело рассчитанных, брошенных невзначай комплиментов, каждый из которых я с восторгом принимала. Я призналась, что он у меня первый в «Линксе» – мы отпустили много похабных шуток о том, как он лишил меня девственности в приложении, хотя смешного здесь было мало.

Макс настоял на том, чтобы купить по третьей порции спиртного. Когда он вернулся из бара в пивной дворик, я ощутила странную давнюю связь между нами, чувство гордости и единения, задолго установленную близость с мужчиной, которого встретила два часа назад. У меня возникло желание коснуться его лица – оно могло бы принадлежать воину-викингу. Я придавила свою руку к стулу, чтобы удер-

жаться. Когда Макс скрутил еще одну сигарету и повернулся спросить у кого-нибудь зажигалку, я отметила его мужественный профиль, легкую кривизну переносицы. Мне хотелось отчеканить этот профиль на монете.

Я попросила затянуться сигаретой. Ритуал был приятным, вкус табака – ужасным. Я почти разучилась курить, и обжигающий дым оставил во рту ощущение горечи. Вторая затяжка вышла лучше. Момент нас сблизил: мы передавали друг другу сигарету едва ли не с юношеским трепетом.

– Ну вот, я тебя развратил, – заметил Макс.

Я попросила его не тревожиться на этот счет – рано или поздно я все равно закурила бы. Он сказал, что вообще-то не против меня развратить. Я понимающе рассмеялась.

Макс сходил заказать нам еще по одной. Мы поговорили о планах на предстоящие выходные. Он по обыкновению уезжал из Лондона, на этот раз один, чтобы дикарем разбить лагерь в Суссексе. Когда я спросила, на чем он туда доберется, он рассказал о своей любимой машине – красном спорткаре по имени «Брюс». Это уже было за гранью. Образ бухгалтера никак не вязался с вождением классического спортивного автомобиля, грязными джинсами и уик-эндами на берегу озера. «Но ведь противоречия – лучшее, что есть в человеке», – произнес он задумчиво. В ту секунду я поняла: если однажды у меня появится причина ненавидеть Макса, если он когда-нибудь плохо со мной обойдется, я вспомню

эту фразу как доказательство его жестокости. А пока я лишь мечтательно кивнула в знак согласия.

– Тебе холодно? – спросил он.

Я действительно замерзла и хотела выпить еще, поэтому мы зашли в паб. К нам подсел шамкающий старик в двух кепках, надетых одна на другую, в одиночестве пьющий «Гиннесс». Он завел речь о благоустройстве Арчвэя и о том, что теперь из-за понастроенных многоэтажек с трудом узнает собственную улицу. Мы терпеливо слушали, кивали и соглашались: «И правда ужасно». Макс купил ему пинту – дружеский жест, который я расценила как финальную точку в беседе. Однако старик не собирался заканчивать. Передвинув свой барный стул ближе, он в деталях поведал обо всех депутатах от местного избирательного округа за всю его жизнь. Мне хотелось поскорее закончить разговор, и я чувствовала, что Максу тоже, но мы демонстрировали друг другу близость к простому люду. Мы задавали вопросы, на которые не хотели знать ответы, и с увлеченным видом слушали двадцатипятиминутное описание закрытого паба в Кентиш-Тауне, куда наш собеседник прежде часто заходил. Мы старались заслужить восхищение и доверие друг друга: «Смотри, я сама любезность; смотри, какой я неравнодушный. Я забочусь о местном бизнесе, местных библиотеках и благополучии пожилых людей».

Когда Джефф (так его звали) с жаром начал рассказывать о том, где раньше находилась почта на Хайгейт-Хилл, я ощу-

тила руку Макса на своей талии. Сперва я восприняла это как сигнал, что он больше не в силах слушать бессвязный монолог Джеффа. Однако затем рука проникла под ткань моей блузки, и Макс, не глядя на меня, принялся медленно и легко водить пальцем по голой коже. Через пару минут он убрал руку, чтобы скрутить еще одну сигарету. Какие-то сантиметры плоти, несколько мгновений, но почему-то именно они всегда были самыми волнующими. Я знала, что рано или поздно окажусь в постели с этим мужчиной. Наши тела сплетутся, я обовью ногами его талию или положу их ему на плечи, или уткнусь лицом в подушку под его натиском. И все же это физическое ощущение было самым сильным, какое он мог мне дать. Самый сексуальный, интимный, романтический и обжигающий жест на свете – первое поглаживание нескольких сантиметров кожи в общественном месте. Первая демонстрация желания. Первый проблеск близости. Такое чувство возникает только один раз.

Мы вышли на улицу выкурить еще одну сигарету и, виновато посмеиваясь, заговорили о Джеффе. Макс снял джинсовую куртку и накинул мне на плечи, чтобы согреть. Я видела, что он тоже замерз, но позволила ему сыграть роль джентльмена. В конце концов, я ведь сама напросилась. Я гадала, насколько его поведение в этот вечер продиктовано необходимостью демонстрировать свою мужественность. Хотя чем я была лучше? Почему я надела туфли на четырехдюймовом каблуке, которыми натерла мозоли? Почему сознательно

смеялась в два раза больше обычного и шутила вдвое меньше?

Я пошла в туалет, поправила челку и написала Лоле: «У меня лучшее свидание в жизни. Не отвечай, он может увидеть. Целую».

Когда я вернулась в бар, Макс заказал нам еще по рюмке текилы.

– Здесь отличная музыка, – заметила я, наблюдая, как пьяные студенты спускаются в подвальный клуб, откуда громко вопила «Martha and the Vandellas»¹⁵.

– Да, знают толк в хитах.

– Потанцуем? – чересчур натянуто предложила я.

– Давай, – откликнулся он.

Мы заплатили по фунту за вход и в обмен получили штамп на руку с надписью «Таверна» темными чернилами. Сперва я ощущала скованность на танцполе. Над нашими движениями будто довлела тяжесть неизбежного исхода. Раньше, танцуя, я полностью раскрепощалась, но в последнее время все стало иначе. Несколько месяцев назад я была на свадьбе университетской подруги, и когда заиграла «Love Machine» группы «Girls Aloud»¹⁶, все высыпали на танцпол. Оглядев кучку женщин, знакомых мне с юных

---

¹⁵ «Martha and the Vandellas» – американская женская ритм-н-блюз группа 1960-х годов.

¹⁶ «Girls Aloud» – британская женская поп-группа 2000-х годов. Сингл «Love Machine» со второго альбома вышел в 2004 году.

лет, я вдруг увидела совершенно других людей. Лолу в комбинезоне без бретелек и бокалом просекко вместо микрофона. Миру, которая ритмично вращала бедрами вокруг своего клатча на полу. Мы были не раскованными, безудержными и загадочными, а пьяными тридцатилетними тетками, тычущими друг на друга пальцами в такт музыке нашей юности, которая теперь годилась лишь для ностальгических вечеринок.

Однако смесь джина, текилы и похоти помогла мне расслабиться и отбросить стеснение. Мы танцевали около часа – иногда на удалении друг от друга, совершая подчеркнуто комичные движения; иногда Макс театрально меня вращал, кружил и откидывал назад, к большому неудовольствию других танцующих в переполненном зале. Потом вдруг я услышала басовитое «донк-донк-донк» Джорджа Майкла и щелчки пальцев.

– СЛЫШИШЬ ПЕСНЮ? – крикнула я.

– ОТЛИЧНАЯ! – отозвался Макс.

– ОНА ВОЗГЛАВЛЯЛА ХИТ-ПАРАД, КОГДА Я РОДИЛАСЬ!

– ЧТО?

– ОНА ВОЗГЛАВЛЯЛА ХИТ-ПАРАД, КОГДА Я РОДИЛАСЬ! – повторила я. – ПОЭТОМУ МОЕ ВТОРОЕ ИМЯ – ДЖОРДЖ.

– ШУТИШЬ! – проревел он, изумленно раскрыв глаза.

– ПРАВДА! – крикнула я.

– ОБОЖАЮ ЕЕ! – Макс схватил меня за талию и притянул к себе. Его футболка была влажной от пота, от него пахло теплой сырой землей после летней грозы. – ТЫ НЕНОРМАЛЬНАЯ.

Улыбнувшись, он наклонил ко мне голову, и мы поцеловались. Я обвила руками его шею, и он притянул меня ближе к себе, оторвав от пола.

Мы вышли из паба в поисках закуской. Когда мы бок о бок шагали по Арчвэй-роуд, Макс выбрал сторону у края тротуара. Я вспомнила, какими невыносимо восхитительными бывают покровительственные устои гетеронормативности. Конечно, рациональная сторона моей натуры твердила, что он выдержит удар встречной машины не лучше меня и его мнимое рыцарство не имеет смысла. Однако мне нравилось, что он шел с краю. Я чувствовала себя драгоценной реликвией, вроде бриллиантового ожерелья, к которому приставили охранника. И почему, когда дело касается свиданий, примесь патриархата всегда так приятна? Это как с хорошей морской солью – всего лишь крошечная щепотка может подчеркнуть вкус финика и превратить его в изысканное лакомство.

В кебабной мы заказали картошку фри и щедро налили соуса для бургеров в пластиковые контейнеры. Как выяснилось, мы оба страдали тревожностью, когда речь заходила о приправах, – в нас сидел страх, что соус закончится где-то по дороге. Мы нашли скамейку и доели картошку, а потом

снова целовались – методично, до изнеможения, используя весь подростковый арсенал: поцелуи в шею, имитация полового акта и покусывание ушей. Словом, все способы, чтобы сделать поцелуй самым волнующим актом, пока дело не дошло до секса.

– Твоя шея пахнет костром, – произнесла я, уткнувшись в нее носом.

– Правда?

– Да, горящими листьями. Обожаю такой запах.

– Пару дней назад я жег костер. Наверное, был в этой одежде.

– Неправда.

– Seriously, неподалеку от огорода.

– Прекрати, – сказала я и снова его поцеловала.

Мы направились обратно к пабу, теперь темному и закрытому. Подойдя к своему велосипеду, пристегнутому цепью к перилам, Макс поинтересовался, как я доберусь домой (на автобусе), и попросил ему написать (еще один восхитительный патриархальный атрибут).

Он отцепил велосипед, затем повернулся ко мне.

– Я провел прекрасный вечер, Нина, – сказал он и вдруг заключил мое лицо в ладони, будто оно было жемчужиной в раковине. – И я уверен, что женюсь на тебе.

Макс заявил об этом просто, без тени сарказма или преувеличения. Затем перекинул сумку через плечо и сел на велосипед.

– Пока.

Он оттолкнулся от тротуара и уехал.

Знаете, те несколько минут, пока я шла к остановке, я ему верила.

Ничто так явно не сигнализирует о разладившейся дружбе, как желание ограничиться совместным походом в кино. Не «ужином и кино», а встречей у «Одеона» на Лестер-сквер за десять минут до намеренно позднего сеанса, быстрым обменом новостями во время трейлеров и предложением, чтобы уйти сразу после фильма, поскольку все пабы скоро закрываются. Нечто вроде платонических отношений с давним бойфрендом, который больше не привлекает вас в плане секса. Витающее в воздухе, гнетущее чувство какой-то неискренности, пронизанное нежеланием все починить. Впервые за двадцать с лишним лет я изнывала при мысли о встрече с Кэтрин где-либо, кроме кинотеатра за десять минут до начала последнего сеанса.

Но у Кэтрин был маленький ребенок, и вытащить подружку куда-то было намного сложнее, чем сесть на Северную линию и целый час добираться до ее дома возле Тутинг-Бродвей. Казалось, нейтральная территория ее пугает – она использовала окружающую обстановку для оправдания и защиты своего образа жизни, хотя я этого вовсе не просила. Приходя ко мне домой, Кэтрин заявляла, что не может позволить себе половину моих вещей, потому что Оливия их сломает, словно набор разномастных стаканов для виски с «Ибэй» превращал мою убогую квартирку в роскошный

отель. Когда мы шли куда-нибудь поужинать, она жаловалась, как ей теперь трудно выбраться из дома, и подчеркивала, какое это для нее наслаждение, тем самым лишая наслаждения меня. А когда мы ходили выпить, подруга вспоминала «прежние попойки», оставшиеся в «далеком прошлом», с таким видом, словно вылечилась от зависимости и теперь вела воспитательные беседы в школах, а не сидела в местном пабе на вечере «мохито: два по цене одного».

Я подошла к серо-зеленой двери в котсуолдском стиле и позвонила. Когда Кэтрин открыла, до меня донесся запах использованных пакетиков для кофемашины и дорогой древесный аромат свечи, который я тут же с тоской опознала как «фиговый лист».

– Спасибо, что пришла, милая! – произнесла Кэтрин мне в волосы, когда мы обнялись. – Наверняка ты не привыкла вставать в такую рань по субботам. Я очень ценю, что ты выбралась сюда ни свет ни заря.

– Сейчас десять часов, – заметила я, снимая джинсовую куртку и вешая ее на крючок в коридоре.

– Да, разумеется! – воскликнула Кэтрин. – Я только хотела сказать, что если бы сама не поднималась так рано из-за Оливии, то дрыхла бы допоздна каждый день.

– Вообще-то, у меня есть работа, – не преминула вставить я.

Ну почему я не пропустила ее комментарий мимо ушей? Пусть бы Кэтрин считала, что бездетная жизнь дает мне пра-

во просыпаться в обед и целый день лежать в теплой ванне из молока и меда, обмахиваясь опахалом.

– Конечно, конечно! – засмеялась она.

Я пробыла в прихожей Кэтрин меньше минуты и уже мечтала о темной, уютной тишине двухчасового сеанса в кино-театре.

Пока она варила кофе, мы немного поболтали об августовской жаре, а затем пошли в гостиную. Внутреннее убранство дома полностью укладывалось в шаблон жилища среднего класса третьей зоны Лондона, но, несмотря на это, мне всегда здесь нравилось. Было нечто обнадеживающее в четко продуманном приглушенном освещении и глубоком мягком диване, в кремово-бежевой цветовой палитре, такой же незапачканный, как тарелка картофельного пюре или рыбных палочек. Место репродукций и плакатов здесь занимали фотографии, запечатлевшие этапы отношений Кэтрин и Марка. Вот они только начали встречаться и пьют сидр из пластиковых стаканчиков на праздновании Дня города. Они вдвоем на пороге своей первой съемной квартиры. Их свадьба, медовый месяц, день рождения Оливии. Возможно, с появлением ребенка только по этим вехам они могли проследить историю своей пары до того, как стали вытирателями детской мордашки и попы? Вот они, наглядные свидетельства прошлого – стоят на каминной полке. В моей квартире фотографий практически не было.

– Оливия, тебе нравится в садике? – спросила я.

По дороге я купила в кондитерской несколько миниатюрных шоколадных пирожных, и малышка уже достигла пика сахарного кайфа. Больше всего в крестнице мне нравилась эта одержимость сладостями – завоевать ее любовь не составляло особого труда.

– Оливия, – оживленно и громко произнесла Кэтрин. – Расскажи тете Нино про садик.

Оливия по-прежнему игнорировала нас и радостно тыкала пальцами в пирожные, не успев прожевать первые два – их она засунула в рот еще до того, как тарелка оказалась на журнальном столике. Кэтрин вздохнула.

– Может, расскажешь о своих друзьях?

– Сколько тебе годиков, Оливия? – спросила я, наклоняясь ближе к румяной, словно яблоко, щечке.

Малышка повернулась ко мне – такая же, как у матери, алебастровая кожа была измазана коричневым кремом.

– Пилозеное, – медленно и твердо произнесла она, будто одержимый демонами ребенок из фильма ужасов.

– Да, – сказала я. – А как дела в садике?

– Пилозеное.

– Хорошо, а какой у тебя любимый цвет?

Оливия отвернулась – игра ей наскучила – и взяла в руки еще одно миниатюрное пирожное, поглаживая его, словно домашнего хомячка.

– Пилозеное.

– Вот бы во взрослой жизни счастье было столь же про-

стым, – сказала я, снова усаживаясь на диван. – Представь, если бы мы получили доступ к такому абсолютному удовольствию.

– Да уж.

– Наверное, приятно осознавать, что можешь полностью контролировать другого человека с помощью сахара. Наслаждайся, пока есть время: в подростковом возрасте место сладостей займут деньги.

– Ужасно, – сказала Кэтрин, подсовывая босые ступни под свои длиннющие ноги и дуя на горячий кофе. – Я использую пирожные и печенье, чтобы улучшить время для разговора с друзьями. Это ее отвлекает, но не уверена, что поступаю правильно.

– Все родители так делают.

– Да. По сравнению с другими мы еще неплохо справляемся, – торопливо добавила Кэтрин, вновь являя собой образец идеального материнства после краткого самобичевания.

– А как у тебя дела? – спросила я, щедро отхлебнув кофе.

– Хорошо, и даже есть кое-какие новости. – Она выдержала драматическую паузу. – Я беременна.

Я изобразила полнейшее удивление: восторженный взвизг, отвисшая челюсть, отставленная в сторону кружка и все такое.

– Когда срок?

– В марте.

– Здорово.

– У тебя будет маленький братик или сестричка, да, Оливия? – спросила Кэтрин.

– Молозеное, – безразлично ответила та.

– Нет, никакого мороженого, – вздохнула Кэтрин.

– Пирожное! – Я взяла одно и помахала у крестницы перед лицом. – Смотри, какая вкусняшка. Ты сообщила на работе?

– Еще нет. Вообще-то, я решила не выходить после декретного отпуска, так что надо обставить все очень деликатно.

– Ого, – сказала я. – Здорово. Ищешь другую работу?

– Нет, мы подумываем переехать из Лондона. – Наступила короткая пауза, в течение которой я быстро прокрутила в голове все наши разговоры за последний год, пытаюсь вспомнить, говорила ли Кэтрин об этом раньше. – Таким образом, у меня будет возможность хорошенько обдумать, чем я хочу заниматься, став матерью двоих детей.

– Правда?

– Да, мы много раз это обсуждали... Оливия, не ешь обертку, солнышко, она невкусная. – Кэтрин протянула руку и вытащила бумажку из раскрытого рта дочери. – У нас будет больше места, а у детей – нормальное детство.

– Мы выросли в Лондоне. По-твоему, наше детство не было нормальным?

– Мы выросли на самых дальних окраинах пригорода, едва ли их можно назвать Лондоном.

– Мы ведь договорились – если есть красные автобусы, то

это Лондон.

– На днях возле станции Тутинг-Бродвей какой-то мужик с утра продавал блоки гашиша. Оливия попыталась схватить один – подумала, что это печенье.

– Песенье! – внезапно воскликнула Оливия – ни дать ни взять Лазарь, воскресший из сахарной комы.

– Никакого печенья, ты только что съела четыре пирожных.

– Песенье, мам, позялуйста, – сказала она писклявым голоском, ее розовый ротик начал кривиться.

– Нет, – отрезала Кэтрин.

Выйдя на середину гостиной, Оливия бросилась на пол, словно скорбящая итальянка.

– МАМА, ПОЗЯЛУЙСТА! – взвыла она. – НИНО, ПОЗЯЛУЙСТА, ПЕСЕНЬЕ. ПЕСЕНЬЕ. ПОЗЯЛУЙСТА.

Кэтрин встала.

– Это надолго, – сказала она и через несколько секунд принесла печенье с кремовой прослойкой. Рыдания тут же иссякли.

– Куда решили перебраться?

– Скорее всего, в Суррей, к родителям Марка.

Я кивнула.

– Что? – спросила Кэтрин.

– Ничего.

– Похоже, ты не слишком высокого мнения о Суррее.

– Вовсе нет.

– Да.

– Ты знаешь там кого-нибудь? – спросила я. – Кроме родителей Марка?

– Вообще-то, да. Помнишь Неда, лучшего школьного друга Марка, и его жену Анну?

– Конечно, мы познакомились на твоём дне рождения в прошлом году, и она говорила исключительно о расширении своей кухни.

– Они живут неподалеку от Гилфорда. Анна обещала представить меня местному сообществу мамочек.

Сообществу мамочек...

– Хорошо, рада это слышать, – сказала я. – Просто не хочу, чтобы ты чувствовала себя одиноко.

– Вряд ли мне грозит одиночество: до Лондона всего полчаса на поезде. Дорога до центра займет у меня примерно столько же, сколько у тебя.

– Ты права, – согласилась я, хотя вовсе так не считала. Однако я хорошо знала этот воинственный пыл в её голосе и поспешила опрокинуть на него ведро ледяной воды. – И телефоны никто не отменял.

– Вот именно, – подтвердила Кэтрин, перебирая темные, мягкие пряди детских волос. – Все ведь и началось с телефона.

– Ты помнишь, о чем мы вообще говорили? До сих пор в голове не укладывается, как мы в течение семи лет умудрялись проводить вместе целый день в школе, а потом каж-

дый вечер по два часа висеть на телефоне.

– Ох уж этот телефон... Мы с мамой только из-за него и ругались. Помню, как твой отец приезжал за тобой и привозил распечатки телефонных счетов. Они с моей мамой сидели за кухонным столом с двумя бокалами шерри и обсуждали дальнейшие действия, словно главы государств на переговорах.

– Я уже и забыла...

– Как твой папа? – спросила она.

– Все так же.

– Ему совсем не лучше?

– На самом деле все гораздо сложнее, Кэт, – сказала я довольно резко, надеясь, что она не спросит, насколько.

– Ладно.

Кэтрин положила руку мне на плечо. Слава богу, рядом была Оливия, которая выступала в роли куклы беспокойства во время наших встреч. Я тоже начала накручивать на пальцы ее мягкие пряди.

– Часто видишься с Джо? – спросила Кэтрин.

– Нет, – сказала я. – Надо как-нибудь встретиться. Полагаю, он все еще с Люси?

– Да.

– Кстати, она из Суррея.

– Поэтому она тебе не нравится?

– Нет. Есть как минимум пятнадцать причин, почему я не прониклась к ней симпатией, помимо Суррея.

– Например?

– Однажды она заявила, что считает авиаперелеты «гламурными». А еще Люси до сих пор всем хвастается, что покрасила свой «Мини-Купер» в особый голубой цвет утиного яйца.

– Они ужинали у нас на прошлой неделе.

Меня это уязвило, хотя с чего бы. Марк и Джо стали друзьями, пока мы проводили время вчетвером, и при расставании мы с Джо условились, что каждый из нас получит свою «половину» Кэтрин и Марка.

– Ну и как прошло?

– Неплохо, – сказала Кэтрин. – Мне нравится Люси, она очень... творческая.

– Она занимается рекламой в компании по производству пенистого чая.

– Это не повод ее презирать.

– Зато я вправе презирать пенистый чай.

– Я всегда думала, что вы с Джо снова сойдетесь.

– Правда?

– Да, и Марк тоже.

– Почему? – спросила я.

– Не знаю... Вы всегда казались очень гармоничной парой. И все было куда проще.

– Проще для вашего с Марком социального планирования? – спросила я чуть резче, чем хотела.

– Ну да, вроде того.

– Можете пригласить нас с Джо на ужин. К твоему сведению, мы до сих пор хорошо ладим.

– Знаю, но это не то же самое.

– Я начала кое с кем встречаться, – произвольно сказала я.

– Неужели?! – воскликнула она с чуть большим удивлением, чем мне бы хотелось.

– Да. Вообще-то, пока у нас было одно свидание. Но он потрясающий.

– Как его зовут? – спросила Кэтрин, и ее зрачки – клянуть! – расширились.

Я знала, что ей это понравится – теперь я говорила на ее языке. Свидания, любовь, мужчина, которого я смогу привести с собой, чтобы Марку было с кем обсудить регби и дорожное движение.

– Макс.

– Где вы познакомились?

– В приложении.

– Думаю, мне бы понравились эти приложения.

– Серьезно?

– Да. Хотя я рада, что мне не пришлось ими пользоваться. – Еще одна мимолетная попытка самооправдания. – Какой он?

– Высокий, энергичный, умный, обаятельный и немного... – Я подбирала слово, которое никак не могла нащупать с момента нашей встречи, чтобы собрать воедино его облик

из своих нечетких, пьяных воспоминаний. – Сумеречный. Понимаешь?

– Нет.

– В нем есть что-то от темной магии, и в то же время он неиспорченный. Вроде как... ветхозаветный. В смысле человеческой сущности.

– В смысле человеческой сущности?

– Ну да, как будто с него сорвали все покровы, и остались только... инстинкты и волосы. Не могу объяснить.

– Тебе с ним весело?

– Вроде того, – сказала я неуверенно. – Не так, как с Джо. Но вряд ли я захочу снова быть с кем-то вроде Джо.

– Правда?

– Да. В конце концов меня стали утомлять его шуточки типа «Мне показалось или тут в самом деле странно пахнет?» Хватит с меня юмористических шоу. Для отношений я бы предпочла кого-то более серьезного.

– Похоже, он и впрямь хорош, – усмехнулась Кэтрин. – Когда вы встречаетесь снова?

– Не знаю, после того раза он еще не писал.

– Напиши первой, – предложила она. – Скажи: «Мне очень понравилось наше свидание. Может, повторим?»

– Я-то не против, но Лола говорит, что все устроено иначе.

– У Лолы никогда не было серьезных отношений.

– Да, зато она часто ходила на свидания. А вот мы с тобой вообще ничего о них не знаем.

– Разве смысл не в том, чтобы построить отношения?

– Тебя послушать, так это спорт, – заметила я.

Рядом с Кэтрин мне всегда казалось, что я участвую в соревновании, причем против собственной воли.

– Еще кофе? – спросила она.

Я взглянула на свой телефон. Осталось высидеть еще как минимум полтора часа.

Весьма непросто сбросить заводские настройки дружбы. Чтобы высказать все накопившееся, потребовался бы долгий и неудобный разговор, и я не могла улучшить момент, подходящий для нас обеих. Лично я видела по крайней мере трех гигантских слонов в комнате нашей дружбы. Уверена, что Кэтрин насчитала бы еще трех, если не больше. Я гадала, сколько недоговоренностей способна выдержать дружба, продолжая при этом нормально функционировать, и когда, если такое все же случится, они нас раздавят.

Ровно через девяносто минут я поцеловала на прощание шоколадные щечки Оливии, обняла Кэтрин, еще раз поздравила ее с беременностью и сказала, что с удовольствием помогу с поисками дома в Суррее, если ей понадобится дополнительная пара глаз – чего я, конечно, не собиралась делать. Выйдя за порог, я ощутила такое же чувство облегчения, какое испытываю после мытья холодильника или сдачи налоговой декларации. Я почти не сомневалась, что по другую сторону двери Кэтрин думала обо мне точно так же.

Дома я в четвертый раз за неделю постучала в дверь квар-

тиры на первом этаже, так как пропустила посылку, а в записке говорилось, что пакет оставлен у Анджело Ферретти внизу. Я пробовала угадать по звуку, когда он выходит или входит в здание, но почему-то у меня не получалось его застать. На этот раз, к моему удивлению, дверь открылась после второго стука. В дверном проеме возвышался смуглый мужчина с настороженным выражением лица, каштановыми волосами до плеч и преждевременными залысинами – он вполне мог бы увлекаться раскрашиванием фигурок солдатиков или по выходным играть на ударных в группе с другими унылыми дядьками. Я предположила, что он на несколько лет старше меня.

– О, привет, – сказала я с неловким, наигранным, веселым смешком, который ненавидела. – Извините, не ожидала, что вы откроете. Я Нина, из квартиры сверху. Переехала пару месяцев назад. – Он дважды моргнул. Тишина. – Я несколько раз к вам стучала, просто чтобы представиться, но, похоже, мы никак не могли друг друга застать. То есть я никак не могла вас застать. – Опять моргание и тишина. – Вы живете один?

– Да, – ответил он с явно выраженным акцентом.

– О... Альма – милейшая женщина с верхнего этажа – кажется, видела вашу... соседку по квартире.

– Она уходит, – сказал он.

– А, ясно.

– Около трех месяцев назад она оставяла.

– Понятно.

Он умолк и только моргал, всем своим видом показывая, что разговор на этом официально завершен.

– Кажется, у вас моя посылка?

– Да. Почему они оставлять здесь?

– Потому что меня не было дома.

– Но почему они оставлять со мной?

– Я сказала, что они могут занести ее соседу. Вы не против? А ваши посылки пусть оставляют у меня, если вас нет дома.

Мужчина пожал плечами и зашел в квартиру. Острые черты лица и неровные, резкие движения делали его похожим на старинную марионетку, которую дергают за невидимые нити. Вернувшись, он передал мне картонную коробку. Руку он держал на двери, давая понять, что мне пора.

– Э-э... Анджело. Это итальянское имя?

– Почему ты знать мое имя?

– Оно было на записке курьера, – ответила я. – Там сказано, что посылка у вас. Откуда вы родом?

– Бальдракка.

– Не бывала там. Где это?

– Поищи, – сказал он и захлопнул дверь.

Стоя в звенящем эхе, я надеялась, что мне первый и последний раз пришлось разговаривать с Анджело Ферретти из квартиры внизу.

Я поднялась к себе, открыла посылку, сплющила упаков-

ку для дальнейшей переработки и поиска «Бальдракка» на «Гугл картах». Безрезультатно. Я вбила слово в поисковик – и перевод не заставил себя ждать: «baldgrassa (ит. сущ.) – шлюха (в основном используется как оскорбление)».

Вечером Лола ждала меня на скамейке возле фитнес-центра. Она записала нас на занятие под названием «Усиление тела», которое сочетало в себе «тяжелую атлетику и тай-чи под саундтрек к классическим танцам восьмидесятых».

– Еще не передумала? – лениво протянула Лола при моем появлении, затем привлекла меня к себе и поцеловала в обе щеки.

Ее спортивный наряд поражал сочетанием предметов: легинсы с леопардовым принтом, свободный топ из марли, солнцезащитные очки-авиаторы, серьги-кольца – настолько большие, что лежали у нее на плечах, – и шелковый тюрбан с драгоценными камнями. От нее исходил тяжелый, сладкий аромат неизменных удовых духов.

– Ты ведь уже заплатила?

– Да, разумеется. На всякий случай решила уточнить, хочешь ли ты идти.

– Сама же меня уболтала.

– Знаю, просто...

Она кивнула на огромную упаковку клюквенного сока, из которой театрально потягивала, и закатила глаза.

– Ветеринар?

– Всю ночь. И остался на следующий день. Кажется, мы трахались двенадцать часов.

– Лола, ты преувеличиваешь.

– Если бы, – устало произнесла она и вытащила «Твикс» из необъятной коричневой сумки, на которой золотыми буквами были нанесены ее инициалы. Лоле нравилось украшать своей монограммой все, от телефона до бельевой сумки, как будто она боялась забыть собственное имя.

– Вы еще встретитесь?

– Вряд ли, – сказала она, непристойно и торопливо чавкая.

– Почему?

– Он милый, но... Не знаю. Кое-что в нем меня слегка покорило. Знаешь, он из тех, кто лежит в постели после секса и ловит твой взгляд, чтобы сказать: «Привет».

– О господи, ужасно.

– Непростительно.

Она затолкала в рот последний кусочек «Твикса», убрала обертку в сумку, затем вытащила «Кит Кат» и «Твирл» и развернула обе сразу.

– С тобой все в порядке?

– Да, а что?

– Столько шоколада...

– Ах, да. Я сходила к диетологу – ну, знаешь, у меня иногда бывают спазмы в животе после еды?.. В общем, она сказала, что мне нельзя есть сладкое после шести вечера, по-

этому я ем сейчас. – Лола взглянула на свои цифровые часы – те показывали 17:59. – В общем, я покончила с мужиками, которые используют меня на одну ночь, чтобы почувствовать себя звездой какого-то... дешевого ромкома. Пони-маешь, о чем я?

– Думаю, да.

Если честно, я очень редко понимала, что имеет в виду Лола, когда говорит: «Пони-маешь, что я имею в виду?» Однако я находила рассуждения подруги весьма забавными и не хотела прерывать ход ее мыслей.

Мы познакомились в туалете университетского клуба на неделе первокурсников. Я услышала всхлипы из соседней кабинки и поинтересовалась, все ли в порядке. В ответ девушка завывала, что на этой неделе занималась сексом с парнем и утром попросила его написать ей, а он ответил, что не сможет: нет денег на телефоне, а наличные закончились. Она отвезла его к ближайшему банкомату, сняла и вручила двадцать фунтов, чтобы пополнить баланс, и сказала, что с нетерпением будет ждать от него весточки. Сообщение так и не пришло. Я предложила ей выйти из кабинки и поговорить, но она заявила, что умрет от стыда, если кто-нибудь увидит ее с испорченным макияжем. Я попросила ее лечь – и так, в зазор между стенкой кабинки и лиловым пластиковым полом, впервые увидела Лолу. Из ее огромных зеленовато-голубых глаз текли слезы, оставляя разводы туши на лице, пушистом, как персик, и оранжевом из-за толстого слоя

дешевого тональника. Я накрыла ее руку своей, чувствуя щековой вибрацию пола от басов «Mr Brightside»¹⁷.

– Я скучаю по дому, – сказала она.

Я не знала никого более непохожего на меня, чем Лола. Она патологически стремилась угождать людям и изо всех сил старалась, чтобы каждый контактировавший с ней человек не просто ее любил, но обожал и чувствовал упоение в ее присутствии. Это касалось не только тех, кого подруга близко знала – с одинаковыми усилиями Лола обхаживала и совершенных незнакомцев, с которыми общалась всего несколько минут. Однажды, когда мы поехали в отпуск в Марракеш, она «торговалась» за вазу в Медине и предложила продавцу на двести пятьдесят дирхамов больше начальной цены. В другой раз на прогулке она сняла последние тридцать фунтов со своего банковского счета, вручила их бездомному и села поговорить с ним о его жизни. Я не удивилась, когда он пообещал отдать мне деньги обратно, если я уведу ее подальше.

Порой я находила эту ее манеру немного жалкой и невыносимой, а иногда восхищалась ею. Я постоянно завидовала выдержке Лолы перед лицом глупости и некомпетентности других людей. Она фантастически хорошо справлялась со светской беседой, терпеливо выслушивала чужую болтовню о неинтересных ей вещах и хвалила уродливые

---

¹⁷ «Mr Brightside» – песня американской инди-рок-группы «The Killers», выпущенная синглом в 2003 году.

туфли женщин на вечеринках, точно зная, что они нуждаются в комплименте. Меня часто упрекали в раздражительности и вспыльчивости, в то время как Лола никогда ни на что не злилась. И дело было не только в доброжелательности – ее просто слишком увлекали собственные грезы и забота о том, чтобы всем понравиться. Она была одновременно самым болезненно уязвимым и поразительно уверенным в себе человеком из всех, кого я знала.

А еще Лола любила веселье и заражала им других. Она постоянно гналась за новыми впечатлениями, и затянувшееся одиночество давало ей время, чтобы превратить жизнь в непрекращающийся проект. За время нашего знакомства Лола научилась каллиграфии, фотографии и оригами, а также самостоятельному изготовлению керамики, йогурта и смеси эфирных масел. Посещала занятия по боевым искусствам, русскому языку и воздушной гимнастике. Сделала пять татуировок, вкладывая ложный смысл в каждый крошечный, ничего не значащий завиток, сменила семь квартир и два раза прыгала с парашютом. Со временем я пришла к выводу, что все это не было проявлением легкомыслия, но данью уважения своему видению жизни.

– Я вся извелась из-за того, что лето заканчивается, – сказала Лола, доставая полупустую пачку ментоловых сигарет и вытаскивая одну зубами.

– Почему ты «извелась»?

– Я расстроена, что не использовала его на всю катушку.

– Ты побывала на четырех музыкальных фестивалях.

– Я просто обязана попасть на «Горящего Человека»¹⁸ в следующем году. – Она сокрушенно покачала головой и глубоко затынулась. Вечернее солнце отражалось от многочисленных колец на ее пальцах, сжимающих сигарету. – Ты должна поехать со мной: возможно, это наш последний шанс.

– Нет. Сколько еще раз повторять...

– Ну пожалуйста.

– Гори себе на здоровье, только без меня. И что ты имеешь в виду под «последним шансом»?

– Следующим летом я, вероятно, забеременею.

Я предполагала такой ответ, но хотела услышать его открытым текстом. Необъяснимая уверенность Лолы в точной траектории собственной жизни вызывала у меня исключительную нежность к ней.

– Скоро начнет темнеть в четыре часа, – сказала она. Я хорошо знала: когда она погружается в такую глубокую прострацию, как сейчас, утешать ее не имеет смысла. – Никому не будет до меня дела, все закупорятся по домам с семьями, поедая сыр с плесенью и суп из брокколи.

– Каждый год одно и то же.

– Разве ты не видишь? Люди не понимают, каково таким,

---

¹⁸ «Горящий Человек» (англ. «Burning Man») – ежегодный фестиваль, проводимый в пустыне Блэк-Рок в американском штате Невада. Кульминация события – сожжение огромной деревянной фигуры человека.

как мы. Никому больше ничего не надо, тебя просто приглашают на ужин, и все. Приятно, конечно, но я не хочу проводить субботние вечера на диване у счастливой пары. Так ни с кем не познакомишься. Никогда не слышала, чтобы кто-то встретил любовь всей жизни в гостиной у друзей в Бромли.

– Нельзя же строить общение только вокруг возможности кого-то встретить, – рассуждала я. – Это нагоняет тоску.

– Да, знаю. Я только прошу у друзей понимания. Их поиски окончены, а мои – все еще продолжаются. Я ведь оказывала им всяческую поддержку в любовных делах. Писала стихи для их свадеб...

– Не припомню, чтобы кто-нибудь тебя об этом просил.

– Я просто жду, что они помогут мне осуществить мои мечты так же, как я помогала им.

– Не уверена, что наши поиски когда-нибудь закончатся.

– Ох, перестань.

– Нет, правда. Лично я не знаю женатых людей, которые бы вели спокойную жизнь.

– Нина, я сейчас скажу то, что тебе не понравится. Это не только мое мнение, но не у всех хватает смелости его озвучить. Дело не в феминизме, не в мужчинах и женщинах. Просто такова жизнь. Многие люди испытывают счастье, только вступая в отношения. Счастье для них – быть в паре. К сожалению, я из их числа.

– Откуда тебе известно, если ты никогда не была в серьезных отношениях? Ты возлагаешь на них все надежды и пла-

нируешь жизнь ради одного-единственного. А если в итоге тебя постигнет разочарование?

Лола погасила сигарету и вытащила новую.

– И кого ты имеешь в виду под «такими, как мы»? – спросила я.

– Одиноких, – сказала она.

Какое-то время мы передавали сигарету друг другу.

– Хочешь пойти в паб? – наконец предложила я. – Тут неподалеку есть местечко, где делают по-настоящему острую «Кровавую Мэри» и полно убогих клерков, желающих пофлиртовать.

– Ладно, пошли, – согласилась она, поправляя тюрбан.

На третьей бутылке белого вина я ощутила прилив пьяного снисхождения к той себе, которая четыре часа назад натянула легинсы и кроссовки, искренне веря, что проведет вечер на занятиях по «укреплению тела». Бедняжка.

– Кстати, как насчет твоего гиганта? – спросила Лола.

– Никаких вестей.

– Сколько уже прошло?

– Три дня.

– НЕ ВЗДУМАЙ сдаться первой, – сказала она, выставив палец и фокусируя на мне взгляд налитых кровью глаз. Одна из ее огромных сережек-колец исчезла.

– А без этого никак? Потому что я умираю от желания ему позвонить.

– Слушай, если мужик молчит три дня, все еще не так плохо. У меня есть кое-что для Полки Злорадства.

Полка Злорадства была нашим личным, постыдным тайником, куда в течение нескольких лет мы собирали истории о чужих несчастьях, чтобы легче переживать собственные. Со временем у нас накопилась подборка анекдотов на все случаи жизни, к которым мы могли обратиться в любой ситуации и таким образом взглянуть на свои беды под другим углом.

– Помнишь женщину по имени Джен с моей работы?

– Та, что участвовала в чемпионатах по пасьянсу?

– Она самая. В общем, Джен с мужем прожили вместе тридцать лет. Никогда не хотели детей и обитали вдвоем в квартире в Брикстоне. Были по-настоящему счастливы: ездили во всякие круизы в Исландию, слушали джазовые пластинки и воспитывали одноглазого кавалер-кинг-чарльз-спаниеля по кличке Глен.

– Ясно.

– Однажды Джен гуляла в Броквелл-парке с Гленом...

– С мужем?

– Да нет же, с собакой, – нетерпеливо пояснила Лола. – И Джен встретила мужчину намного моложе себя. Статный испанец, в духе Тони Данцы¹⁹. Подходит к ней и говорит:

---

¹⁹ Тони Данца (род. 1951) – американский актер и телеведущий итальянско-го происхождения. Наиболее известен ролями в ситкомах «Такси» и «Кто здесь босс?».

«Милый песик», а она такая: «Спасибо», а он: «Хозяйка еще милее», и бедняжка Джен – наивная клуша, которую никто не клеил с семидесятых, – совсем потеряла голову. Они идут в кальянную, знакомятся – его зовут Хорхе, слесарь из Жироны. Обменялись номерами. Короче говоря, у них завязалась интрижка.

– Ого.

– Вот и я о том же.

– Кто сейчас знакомится в парке?

– Ага. В этом-то вся соль. Значит, Хорхе говорит, что любит ее, просит уйти от мужа, чтобы начать новую жизнь вдвоем – и с Гленом тоже – в Кардиффе.

– Почему в Кардиффе?

– Не знаю. И она думает: «Возможно, это мой последний шанс на великую, страстную любовь. Я хочу испытать ее еще раз».

– А как же прекрасный муж и круизы в Исландию?

– Похоть, – сказала Лола тоном знатока. – Она делает нас дурами.

– Что дальше?

– Джен пакует две сумки – одну для себя, другую для Глена.

– Что, и для Глена тоже?!

– БОГОМ КЛЯНУСЬ! Один из тех миниатюрных рюкзачков, которые прилагаются к плюшевым медведям. Джен пишет мужу письмо, где все объясняет и молит о прощении.

нии. Говорит, что всегда будет его любить. Благодарит за самые счастливые годы своей жизни. Оставляет письмо на столе и едет на вокзал Виктория, где договорилась встретиться с Хорхе.

– И?

– Хорхе... – Лола глубоко вдохнула. – Так. И. Не. Явился.

– Не-е-ет...

– Да. Она прождала десять часов.

– Она ему звонила?

– Попала на голосовую почту.

– Ходила к нему домой?

– Он исчез.

– Что же она сделала?

– Вернулась домой, пыталась просить прощения, объясняла все минутным помешательством. Но муж ее не пустил.

– Ох, нет. Нет, нет, нет.

– Да. Не стал с ней разговаривать. Даже поменял замки.

– А слесарь, вероятно, был...

– Хорхе, – кивнула Лола. – Мы никогда не узнаем, пересекались ли они. И что сказали друг другу. В этой истории очень много вопросов.

– Где сейчас Джен?

– Живет в лодке на канале, – похоронным тоном сообщила Лола. – Как-нибудь пробегись по берегу и сама увидишь. Называется «Старая дева». Внизу нарисована морда одноглазого спаниеля. Ты почувствуешь запах за милую, потому

что Джен вечно варит у себя комбучу. Говорит, это единственное средство от долгих ночей.

– Еще бы, – ужаснулась я. – Ничего лучше «Старой девы» не нашлось?

– Она посчитала это забавным. Я сказала: «Джен, ты не можешь превращать свою жизнь в клоунаду, начни-ка лучше с чистого листа». Но она не стала слушать. Думаю, она себя наказывает.

– Ужасно.

– Знаю. Местные прозвали ее «Печальноокая леди с канала».

– Что, правда?

– Так говорят. – Лола пожала плечами.

– Ты права, – сказала я, чокаясь с ней бокалом. – Весьма поучительная история для Полки Злорадства. Спасибо, дорогая.

– Не благодари, – ответила она, переворачивая бутылку с вином и выливая последние капли в бокалы.

На столе пискнул мой телефон. На экране высветилось сообщение от Макса. Округлившиеся глаза Лолы встретились с моими.

– БОЖЕ, меня сейчас стошнит! – воскликнула она.

На нас тут же обратились беспокойные взгляды сидящих рядом.

– Все в порядке, не переживайте, она просто переволновалась.

Лола схватила телефон и ввела пароль: она хорошо его изучила за все те бесчисленные вечера, которые мы провели в пабах, делясь друг с другом сообщениями.

– Черт, а ведь неплохо... Даже очень хорошо, – сказала она, уставясь на экран.

Я выхватила у нее мобильный.

Только что прослушал «The Edge of Heaven» пять раз подряд и до сих пор не могу тебя забыть. Что ты со мной сделала, Нина Джордж Дин?

Я не могла четко вспомнить, как выглядит Макс: память сохранила о нем только четыре отдельные детали. Всю неделю после нашей встречи я перебирала их в голове одну за другой, будто четыре тарелки с канapé на вечеринке. Когда я насыщалась с первой тарелки, я брала кусочек со второй. Удовлетворившись ею, я переходила к следующей – и далее по кругу. Этих четырех воспоминаний вполне хватало для утоления моих грез наяву. Еще меня занимал вопрос, почему память цеплялась именно за эти эпизоды.

Воспоминание номер один. Черты лица Макса, когда он приблизился, чтобы меня поцеловать. Особенно его напористый нос, нависшие веки и проницательная полуулыбка слегка приоткрытых губ прямо перед тем, как они коснулись моих.

Воспоминание номер два. Очень, очень особенное. Тем вечером в какой-то момент речь зашла о женщине шеф-поваре из телешоу, и я слегка развязно и высокомерно заявила, что ее рецепты никуда не годятся. Пока я это говорила, Макс делано произнес «Мяу!» и уже было поднял руку, имитируя царапающую лапу, но остановился на полпути. Хотя воспоминание явно его не красило, я подсознательно держалась за него по конкретной причине: чтобы не слишком идеализировать образ Макса у себя в голове. Я выискивала шеро-

ховатости и трещинки в той скульптуре, которую лепило мое воображение. Они напоминали, что он реальный земной человек и полностью для меня досягаем.

Воспоминание номер три. Когда Макс смеялся, идеальная суровость его лица ненадолго разрушалась и спадала, обнажая глуповатую улыбку, влажные глаза и слегка приплюснутый, как у мультяшного кролика, нос. Это было единственное проявление подростковости в нем – остальные черты окончательно утвердились. Смех Макса напоминал мне, что в юности он дурачился в школе, носил гавайскую гирлянду и смотрел «Южный парк» в толстовке с капюшоном и самодельным бонгом в руке. Этот смех служил мне единственным пропуском в святилище его уязвимости.

Воспоминание номер четыре. Ощущение его белой хлопковой футболки на теплом теле во время нашего танца. Ткань была мягкой на ощупь, как после использования кондиционера для белья. Подозрения насчет кондиционера подтвердились, когда вместе с запахом влажной кожи, исходящим от футболки, я ощутила легкий аромат лаванды – единственное чужеродное вкрапление в Максе. Я задумалась о его быте, пока закрытом от меня, и представила квартиру в Клэптоне, где он в одиночестве занимается домашними делами и уборкой. В моем воображении он стирал белье воскресным вечером, а на фоне звучал концертный альбом Дилана. Некоторое время я гадала, есть ли у него сушилка для белья (в конечном счете решила, что нет) и покупает ли

он предметы домашнего обихода оптом в интернете (в итоге решила, что да, и это наверняка служит поводом для добродушных подколов его чудаковатых друзей. «Да у тебя тут залежи туалетной бумаги, приятель!» – кричали они ему, открывая шкафчик в ванной).

Протрезвев на следующий день после его сообщения, я ответила. Я хотела просто позвонить, но, по мнению Лолы, это было все равно, что заявиться к нему без предупреждения и бросать камни в окно спальни. Я не понимала, зачем продолжать обмен сообщениями после того, как мы уже встретились, – это невыносимо замедляло процесс. В переписке Макс придерживался довольно устаревшего стиля, методично отвечая на каждый пункт моего последнего сообщения. Еще он обычно выдерживал паузу в четыре часа между чтением послания и ответом на него. В итоге у нас ушло три дня на пустую болтовню о том, как прошла неделя, прежде чем мы затронули тему нового свидания.

Макс предложил после работы пройтись по Хэмпстед-Хит и где-нибудь выпить. Я нервничала перед прогулкой – родители водили меня в парк по выходным, когда мы еще жили в Майл-Энде, и я боялась внезапного приступа ностальгии. Я до сих пор сохранила воспоминания о том времени: ярмарка в Кентиш-Таун, куда меня брали в пятилетнем возрасте, и клубничное мороженое, которое я ела из ведерка, сидя на скамейке возле Кенвуд-Хауса и разглядывая ползу-

щую по моей руке божью коровку. Так сложно отследить, какие воспоминания принадлежат тебе, а какие позаимствованы из фотоальбомов и семейных преданий. Иногда в парке я сворачивала не на ту тропинку и попадала в чащу или на какой-нибудь луг, захваченная враспloch неясным воспоминанием: мне казалось, будто я стою в наполовину законченном акварельном пейзаже. Образы прошлого дарили радость узнавания – так бывает, когда наконец вспоминаешь вылетевшее из головы слово, – но в то же время надо мной довлело зловещее чувство, что я навсегда позабыла нечто важное. Словно во мне открывались сотни черных дыр, таких же бездонных, как проведенная за текилой ночь.

Я шла к Лидо в темно-синем льняном сарафане и коричневых кожаных сандалиях, неся сумку с дешевым белым вином и дорогими оливками. Будь моя воля, я бы упаковала целую корзину для пикника, однако Лола посоветовала на данном этапе вести себя сдержанно. Я и не осознавала, до какой степени ранние свидания продиктованы притворной беззаботностью и занятостью, демонстративным отсутствием аппетита или нарочитой «сдержанностью» во всем. Интересно, ощущал ли Макс такое же давление? Я надеялась, что скоро эта стадия закончится, и я смогу у него спросить.

Подойдя к кирпичной стене, где находился вход в бассейн, я мгновенно опознала фигуру Макса и пробежала взглядом его лицо и тело, чтобы воскресить в памяти человека, которого воображала всю прошлую неделю. Я и забыла, какие

у него длинные ноги, какие широкие плечи; как по-мультишному мужественно его телосложение – словно силуэт супергероя на детском рисунке. Он читал ту же книгу и оторвался от страниц с той же непринужденностью, что и на нашем первом свидании.

– Медленно читаю, – пояснил Макс, когда я подошла, и махнул на книгу в мягкой обложке.

Мы довольно неловко обнялись, при этом он по-приятельски похлопал меня по спине, будто утешал друга в пабе после поражения футбольной команды, а не как потенциальную девушку.

– О, я тоже. В последнее время удается почитать, только если телефон выключен и лежит в другой комнате.

– Куда катится мир.

– Не то слово. Помню, в детстве я до того обожала книгу о Питере Пэне, что прятала фонарик под матрасом и читала под одеялом после того, как меня укладывали спать. Я росла одной из тех противных девчонок, которые хотят быть мальчишками. В семь лет я коротко остригла волосы и отказывалась их отращивать, пока не пошла в среднюю школу.

Макс улыбнулся и взглядом скользнул от моих глаз к лицу, пытливо изучая его, словно картину в галерее.

– Что? – смутилась я, чувствуя покалывание на щеках: видимо, волнение сделало меня чересчур разговорчивой.

– Ничего, – сказал он. – Представил тебя семилетнюю с короткими волосами и книгой при свете фонарика – как тут

не улыбнуться.

К коленям подкатила слабость.

– Не хочешь пройтись? – спросила я чересчур официально и натянуто.

Разговаривая, мы шли бок о бок к Парламентскому холму, я старалась поспевать за его размашистым шагом и не задохнуться. Привычка выработалась у меня благодаря Кэтрин: она была рослой уже в подростковом возрасте и всегда с гордостью показывала на своем айфоне, на сколько меньше сделала шагов на нашей совместной прогулке (всех высоких людей отличает самодовольство, отдают они себе в этом отчет или нет). Пешая прогулка позволяла мне украдкой наблюдать за Максом, исправляя неточности, допущенные в мысленном наброске. Также выручала необходимость ориентироваться на местности и смотреть под ноги, поскольку свидание при свете дня увеличивало риск неловких происшествий. Кто-нибудь из нас мог споткнуться о корягу, или стать мишенью для пролетающего голубя, или привлечь любвеобильного лабрадудля, отпущенного с поводка. Каждая из этих возможностей заставляла меня нервничать.

Поднимаясь по Парламентскому холму, мы говорили о городе. Я поведала Максу свои немногие воспоминания о детстве в Майл-Энде: о пальмах в три моих роста на воскресном рынке вдоль Коламбия-роуд; о пабе, где отец любил читать газету, а мне дозволялось запивать картошку фри маленькими глоточками его пива; и как меня учили кататься на вело-

сипеде по площади возле нашего дома. Макс рассказал о том, как переехал сюда в двадцать с небольшим и какое испытал замешательство. Как представлял, что будет жить в квартире над китайским ресторанчиком в Сохо или над книжным магазином в Блумсбери. Как с удивлением обнаружил, что на зарплату молодого специалиста мог позволить себе только комнатушку со спичечный коробок в доме на шестерых в Кэмберуэлле. Пока он рассказывал о бытовых странностях незнакомцев, ставших его соседями, я все представляла, как выглядел Макс в двадцать три года, когда приехал в Лондон: свежий и румяный, словно сомерсетское яблочко, с коробками вещей и свернутым в рюкзаке плакатом «Red Hot Chili Peppers».

Дойдя до вершины холма, откуда открывался вид на нервную систему центрального Лондона, мы уселись на скамейку. Нас окружали группки студентов, которые пили из жестяных банок и демонстративно галдели, подобно всем студентам в парках. Было также несколько влюбленных парочек, чье знакомство вполне могло состояться в «Линксе». Мы с Максом пытались угадать, на каком этапе отношений они находятся, и сошлись во мнении, что женщина на массивных пробковых танкетках, с усыпанным жемчугом клатчем и мужчина в дешевых шортах определенно пришли на первое свидание, и он удивил ее выбором места. Парочка влюбленных, чьи ноги на траве переплелись, как спутанные провода под телевизором, наверняка совсем недавно увидели

ли друг друга голыми – возможно, даже накануне вечером. Мы пришли к выводу, что они отпросились с работы, весь день валялись в постели и теперь выставляли свою сексуальную совместимость на всеобщее обозрение. Мы решили, что двое мужчин, которые держались за руки и с усмешкой глядели на городские очертания, вспоминая «жизнь до “Осколка”»²⁰, могут похвастаться комфортным, пустым, но искренним уютom и уже готовы сказать друг другу: «Я тебя люблю». Мне нравилась роль комментатора и сообщницы Макса. Я могла бы делать это весь вечер.

Мы прошли дальше на север – по извилистым тропинкам среди деревьев, куда сквозь просветы ветвей проникали проблески закатного солнца. Во время разговора нам удавалось идти в ногу, держась примерно на расстоянии фута друг от друга. Я с упоением наблюдала за тем, как Макс реагирует на природу: проходя мимо деревьев, он инстинктивно касался коры стволов и подставлял лицо угасающему солнечному свету.

Мы вышли на луг у Кенвуд-Хаус и отыскиали островок, где можно было присесть. Я открыла вино и оливки, и мы растянулись на траве, откинувшись на локти. Я забыла взять стаканы, поэтому мы по очереди пили из бутылки. Близился вечер, число гуляющих редело.

---

²⁰ «Осколок» (англ. «The Shard») – лондонский небоскреб высотой 87 этажей, выполненный в виде неправильной пирамиды, облицованной стеклом. Строительство завершилось в 2012 году.

По лужайке, словно заводная игрушка по ламинату, несся маленький мальчик в желтой панаме.

– ОРЛАНДО, – рявкнул шагающий позади мужчина. – Орландо, вернись СЕЙЧАС ЖЕ.

Развеселившись еще сильнее, ребенок ускорился, панاما слетела у него с головы.

– Ландо! – снова заревел мужчина, ловя непокорный головной убор. – Ландо, я не шучу, прекрати СЕЙЧАС ЖЕ или на всю неделю останешься БЕЗ ТЕЛЕВИЗОРА.

– Без телевизора, – отчаянно прошипел Макс мне в ухо.

– Как думаешь, можно быть родителем и не стать злобным деспотом?

Я повернулась к нему: наши лица теперь разделяли считанные дюймы.

– Нет, – сказал он.

– Посмотри на мальчугана. Он счастлив. Ему весело. Бегает в парке, а не по проезжей части. Что не так?

Мы оба следили за Орландо, который бросился на траву и катался, как гончая, задыхаясь от истерического хохота. В обозримом будущем он определенно лишится телевизора.

– Наверное, ужасно грустно наблюдать за тем, как превращаешься в комок нервов. Вряд ли есть способ этого избежать, – продолжила я.

– Не заводить детей, например?

– Да, – сказала я. – Точно.

– Ты хочешь детей? – спросил Макс.

Лола предупредила, что так случается, когда ходишь на свидания после тридцати: темы, которые раньше не поднимались, теперь всплывали в течение первого месяца. Кэтрин посоветовала ставить в известность заранее.

– Да, – сказала я. – Хочу.

– Я тоже.

– И одновременно боюсь. Наблюдая за детьми друзей, я хочу своих и больше, и меньше в равной мере.

– Со мной так же.

Макс достал из кармана папиросную бумагу и табак.

– Помню, однажды на моих глазах моя крестница Оливия в приступе истерики стукнула свою мать по лицу. Наотмашь ударила ее по щеке, оставив синяк на скуле. Через три минуты малышка уже сидела в ванне, подносила резиновую уточку к материнским губам и говорила самым сладким голосом, какой я только слышала: «Мама, поцелуй уточку».

Он рассмеялся.

– У нее будет еще один ребенок. У моей подруги Кэтрин. Думаю, это самый веский аргумент в пользу рождения детей. Если бы все было настолько плохо, никто не согласился бы такое повторить.

– Почему твои родители не завели еще одного ребенка?

– Вряд ли мама по-настоящему хотела стать мамой, – сказала я. – Возможно, она внушила это себе, а потом, когда появилась я, осознала свою ошибку.

– Глупости.

– Да все нормально. Я на удивление спокойно к этому отношусь. Вряд ли дело конкретно во мне – она бы разочаровалась в любом случае. Вообще-то, мне ее жаль. Ужасно, наверное, родить ребенка, а потом осознать, что сделала неправильный выбор. Хуже всего, что ей пришлось молчать и хранить этот секрет всю мою жизнь. – Макс наконец скрутил сигарету и закурил. – А вот папа завел бы десятерых, если бы мог.

– Они спорили из-за этого?

– Нет, не думаю. Папа был счастлив наконец-то обрести семью. Они с мамой поженились, когда ему перевалило за сорок.

– А сейчас они счастливы?

Я взяла у него сигарету и глубоко затянулась.

– Я снова курю, и все из-за тебя, Макс. На прошлой неделе даже купила пачку – впервые за сто лет. – Он выжидательно смотрел на меня. – Все непросто. Папа болен, – наконец ответила я.

– Мне ужасно жаль.

Я сделала еще одну затяжку и покачала головой, давая понять, что ему не о чем беспокоиться. Он догадался о моем нежелании впредь касаться этой темы.

Когда мы допили бутылку вина, Макс достал из рюкзака еще одну. Потом растянулся на земле, а я улеглась рядом и смотрела на темнеющее небо.

– Что собой представляет «Линкс»? – спросила я.

– Сама знаешь.

– Нет, я имею в виду для тебя. Какие там женщины?

– О, все разные.

Кончики его пальцев коснулись моей руки, и теплая ладонь крепко сжала мою.

– Да, само собой. Но ты наверняка замечал какие-то закономерности? Не буду считать тебя сексистом, обещаю. Мне правда любопытно.

– Что ж, ладно. – Макс протянул руку и привлек меня к себе. Я прижалась к его груди. – У них пунктик на джине: все говорят, что любят джин.

– Интересно, – отозвалась я. – Мне кажется, женщины используют джин для создания определенного образа. Он придает им некий налет изысканности, а-ля женщина из другой эпохи.

– Да, и у них обычно все фотографии – черно-белые, – промурлыкал он глубоким, вибрирующим голосом.

– Знаешь, какое у мужчин средство для создания образа?

– Какое?

– Пицца.

– Правда?

– Да. По их мнению, пицца ни много ни мало определяет стиль жизни. Она мелькает в каждом втором профиле. «Как ты любишь проводить выходные?» Пицца. «Твое идеальное первое свидание?» Пицца. Один даже указал свое текущее местоположение как «Пицца».

– Что еще? – спросил он.

– Все поголовно любят поспать. Не знаю, с чего вдруг взрослые мужики решили, что мы без ума от поедающих пиццу младенцев, которым постоянно нужен сон.

– Гетеросексуальных женщин давно пора награждать, как героев войны, только за то, что они нас любят, – вздохнул Макс, нежно перебирая пальцами пряди моих волос. – Не знаю, как вы все это терпите.

– И не говори. Бедняжки. Вкалываем от звонка до звонка на такой неблагодарной работе...

Макс повернулся на бок, так что мы оказались лицом к лицу, и поцеловал меня, мягко и осторожно, а затем притянул за талию ближе к себе.

– Постоянно о тебе думаю, – сказал он. – Об этом изгибе у основания шеи. О форме твоих губ. О тыльной стороне плеч. Как по-твоему, это слишком смелая фантазия – представлять, как целуешь тыльную сторону чьих-то плеч?

– Отличная фантазия, – ровно ответила я, решив не рассказывать ему о тарелках с канопе или о том, как представляла его за стиркой белья дома.

– Последней девушкой, чьи плечи я хотел поцеловать, была Габби Льюис. Я сидел за ней на химии. Хвост у нее на голове колыхался всякий раз, когда она вертелась по сторонам. А это происходило без конца. Думаю, она нарочно сводила меня с ума.

– Ты говоришь, как инцел²¹.

– У нее были такие же идеальные руки, как у тебя. Я постоянно глазел на них, считая каждую веснушку. Моя двойка на ее совести – мне прочили тройку.

– Очаровательно.

– Скажешь, я ненормальный?

– Сказала бы, не будь ты таким красавчиком. Законы привлекательности делают свое черное дело.

– Тогда я вовсе не был красавчиком.

– Да ладно.

– Честно. Я был огромным волосатым подростком без друзей. После школы играл в шахматы с дедушкой – единственным человеком, кто хотел проводить со мной время.

– Вот что мне в тебе нравится. Гадкий утенок, превратившийся в прекрасного лебедя.

– А какой ты была в подростковом возрасте?

– Почти такой же, как сейчас.

– Неужели?

– Да, скука смертная. Тот же рост, то же лицо и тело, те же волосы, те же интересы. Мой уровень привлекательности застыл в тринадцать и больше не отклонялся ни в плюс, ни в минус.

– Бывает же...

---

²¹ Инцелы – члены субкультуры, которые описывают себя как неспособных найти сексуального партнёра, несмотря на желание это сделать.

– Хочешь, расскажу тебе свою теорию?

– Давай.

– Знаю, гораздо увлекательнее меняться с течением времени. Зато здорово, когда у тебя есть двадцать лет, чтобы привыкнуть к своей внешности. В отличие от подруг я почти не задумываюсь о том, как выгляжу, а вот они до сих пор стремятся к идеалу красоты как к финальной точке своей трансформации.

– Ты красивая.

– Я не разыгрываю скромность. И не считаю себя непривлекательной. Просто я никогда не была и не буду сногшибательной красавицей. И это оставляет мне массу энергии для других дел. Кроме того... – Я сделала короткую паузу, спрашивая себя, не пора ли остановиться. – Думаю, именно этим объясняется моя популярность в «Линксе».

– Почему?

– Мне кажется, слишком красивые женщины подавляют неуверенных в себе мужчин. А когда они видят такой профиль, как у меня – милое личико, обыкновенные волосы, чувство юмора, – то попадают на знакомую территорию. – Макс громко рассмеялся, откинув голову назад. – Понимаешь, о чем я?

– В тебе определенно есть нечто... располагающее, но не в том смысле, в каком ты думаешь.

– Я как станция техобслуживания на шоссе. Они знают, что могут остановиться на чашку чая и бутерброд с сыром.

Знают, чего от меня ждать. Им это знакомо. Мужчинам нравится привычное, хотя сами они уверены в обратном.

Допив бутылку, мы двинулись назад в сторону Арчвэя. В вечернем летнем воздухе веяло прохладой. Мы дошли до ворот, за которыми начиналась тропинка к Дамскому пруду, и заглянули внутрь. Темные очертания тонких ветвей на фоне индигового неба напоминали роспись в стиле ши-нуазри²².

– Я бы хотела показать тебе это место. Думаю, туда можно проникнуть, – произнесла я неуверенно, не обладая задатками злостной нарушительницы.

– Нет-нет, – ответил Макс. – Просто опиши его.

– Ну, вон там, – я указала налево, – все оставляют свои велосипеды. Дальше по тропинке, справа, есть клочок травы, который называют лугом. Немного напоминает сцену из греческого мифа. Летом там волшебно. Целая поляна разомлевших полуголых женщин с банками джин-тоника. Дальше, справа, – пруд.

– Глубокий?

– Очень – dna не видишь и не чувствуешь. Вода всегда холодная, даже летом. Но многие делают вид, что теплая. Весной рядом плавают крошечные утята. Мы купались здесь на девичнике у Кэтрин. А в прошлом году, в день солнцестояния, моя подруга Лола заставила меня прийти сюда на рассвете и провести церемонию.

---

²² Особенность стилистики шиуазри – множество мелких изящных деталей.

– Она язычница?

– Нет, просто невротичка, – сказала я. – Это мое любимое место в Лондоне. Если у меня когда-нибудь родится дочь, я буду приводить ее сюда каждую неделю для познания женского тела и силы.

– Видишь, вот почему мы вас так боимся.

– Бойтесь?

– Конечно. Поэтому всегда отбирали у вас право голоса, держали взаперти, бинтовали вам ноги и лишали силы. Просто мы чертовски боялись, что вы станете так же свободны, как мы. А жаль.

– Что в нас такого пугающего?

– Да все... Вы умеете общаться и координироваться друг с другом так, как не могут мужчины. Ваше тело подчиняется определенным циклам. Вы животворящие, волшебные, сверхъестественные и фантастические. А мы можем только кончать себе на животы и бить друг друга.

– И болтать о чем угодно на парковках.

– Едва ли.

– И менять предохранители.

– Я даже этого не умею.

– Девчонка, – прошептала я, приближаясь к его лицу.

– Хотел бы, черт возьми, – сказал он, прижимая меня к перилам и целуя.

До нас долетал мокрый, травянистый запах земли и открытой воды – английский запах плавающих по каналам ба-

нок «Special Brew» и озерных кувшинок.

Весь путь до дома мы держались за руки, чего со мной не происходило с тех пор, как мы с Джо были студентами. Я перенеслась назад, во времена обещаний и удовольствия. Вновь стала подростком, только с чувством собственного достоинства, с зарплатой и без комендантского часа. Рядом с Максом я открыла для себя вторую жизнь, которая текла параллельно той, где ждали большой отец, рассыпающаяся дружба и ежемесячные выплаты по ипотеке. Я задумалась о реальности: ишиас, развившийся у меня годом ранее, и физиотерапия, которую я не могла себе позволить; черная плесень между плитками в душе, не поддающаяся никакой чистке; поток не вполне понятных новостей и местные выборы, на которых я не голосовала; бесконечные электронные письма от моего бухгалтера, всегда предваряемые словами: «Нина, ты, кажется, напутала». Я чувствовала, как тепло Макса перетекает в меня через наши руки, защищая от остального мира. Реальность могла стучаться ко мне всеми возможными способами, писать по электронной почте и звонить по телефону – с Максом я была вне зоны доступа.

Он зашел со мной в парадную дверь, поднялся по лестнице и остановился в общем коридоре с грязно-розовым ковролином, ободранными обоями и тусклым желтым светом голой лампочки на потолке. Я не знала, было ли это проявлением рыцарства или попыткой соблазнения – скорее всего, и то и другое вело к одному исходу. Я прислонилась к двер-

ному косяку.

– Умираю от желания тебя пригласить.

– Ты не обязана.

– Просто подумала, может, знаешь... будем вести себя как взрослые. Подождем.

Я слегка кривила душой: я помнила, что на моей кровати лежит куча вещей для стирки. И, возможно, вывернутые наизнанку трусики в ванной. В холодильнике не было молока к утреннему чаю. А в браузере, скорее всего, открыта вкладка с поисковым запросом вроде: «Сколько волосков на сосках норма для женщины в 32?»

– Нам некуда спешить.

– Как ты доберешься до дома? – спросила я.

– На автобусе.

Повисло молчание.

– Спокойной ночи, – наконец сказал он.

– Спокойной ночи.

Макс наклонился и прижал губы к моему обнаженному плечу, затем покрыл поцелуями тыльную сторону правой руки до запястья. Он положил ладони мне на бедра и перешел к левой руке и стал медленно ее целовать, словно проводил измерения губами. Кожа у меня будто истончилась и стала прозрачной, как пищевая пленка, через которую он мог разглядеть мое нутро. Макс повернулся, чтобы уйти, и я инстинктивно потянула его за руку. Он прижал меня к стене в коридоре и жадно поцеловал, словно я была единственным,

что могло его насытить.

Теперь я понимаю, что в первую ночь с Максом я искала следы его бывших любовниц. Я хотела впустить его внутрь себя, чтобы отыскать призраков внутри него. Не обладая сведениями о прошлом Макса, я изучала неизгладимые отпечатки пальцев, оставленные до меня другими. Когда он зажимал мне рот ладонью, я видела женщину, которая использовала его как способ раствориться и обрести свободу. Когда он мял мою плоть, я знала, что он занимался любовью с телом более податливым, чем мое. Его губы на сводах моих ступней открыли мне, что он боготворил женщину во всей ее полноте – он равно любил косточки пальцев на ногах и тазобедренные суставы; он изведal ее кровь на своей коже так же хорошо, как ее духи на своих простынях. Во время сна он обнимал меня, как грелку, и я знала, что ночь за ночью он делил постель с другой, и обычный матрас служил им оазисом.

Утром он рано встал на работу. Он не принял душ, сказав, что хочет носить меня как лосьон после бритья, и поцеловал на прощание. По-кошачьи, непристойно растянувшись на простыне, я услышала, как он прошел по коридору и закрыл тяжелую парадную дверь. Но я все еще чувствовала его присутствие – незримое и обволакивающее, как водяной пар. Придя ко мне в квартиру той ночью, Макс остался надолго.

5

Следующий месяц пролетел для нас в новом, более легком режиме. Мы больше не посылали друг другу выверенные тексты, требующие анализа, разбора и подробного комментария от Лолы. Вместо этого мы стали регулярно созваниваться, чтобы узнать, как дела и поговорить о нас. Мы виделись три-четыре раза в неделю. Целовались на последнем ряду в кинотеатре. Узнали, кто какой чай любит. Я встречала Макса во время обеденного перерыва на работе, и мы ели бутерброды с ветчиной и пиккалилли²³ в парке возле его офиса. Один раз сходили на выставку, где я ничего не запомнила из экспозиции – гораздо больше меня занимал акт держания за руки среди бела дня. Я увидела его квартиру: в основном белую, чистую и полностью обжитую, с выцветшими, потертыми коврами из путешествий, стопками пластинок на полу и башнями книг в мягких обложках на всех поверхностях. В буфете стояли подаренные на Рождество забавные кружки от добросердечных дальних тетусшек. Еще были груды выдавшего вида снаряжения для активного отдыха: походные ботинки, гидрокостюмы и шлемы. В квартире висела всего одна фотография – крупный черно-белый снимок улыбающегося мужчины с закрытыми глазами, уткнувшегося носом в голову маленького светловолосого мальчика. Я спросила

---

²³ Пиккалилли – маринованные острые овощи.

о нем только раз и впредь никогда не упоминала. Мы с Максом обходили стороной наши запертые комнаты с пометкой «папа», и оба, не сговариваясь, понимали важность этого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.